

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
ГБУК «САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ»

***«Я живу на земле в
Красоте»***

**БИО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЖИЗНИ И
ТВОРЧЕСТВУ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА**

САМАРА, 2022

ББК 83.3(2=411.2)

Я 39

«Я живу на земле в Красоте»: био -библиографический путеводитель по жизни и творчеству Игоря Северянина /ГБУК «СОБМ»; сост. Е.Е. Цупрова; отв. за вып. Е.А. Иванова.-Самара, 2022.

Уважаемые коллеги! Вашему вниманию предлагается био - библиографический путеводитель по жизни и творчеству Игоря Северянина – одного из самых ярких и парадоксальных представителей русской литературы Серебряного века. Его материалы помогут погрузиться в удивительный и изысканный мир одной из ярких поэтических звезд русского «серебряного века».

Отзывы и предложения просим направлять по адресу:

443110 г. Самара, пр. Ленина, д. 14

Самарская областная библиотека для молодежи

Телефон 8(846) 334 – 45 – 80

E-mail: ivanova@soub.ru

Сайт ГБУК «Самарской ОБМ»: www.soub.ru

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Игорь Северянин (скульптор Л. А. Усов)

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН (1887—1941) — одно из знаковых имен в пантеоне русской поэзии Серебряного века, символ эпатажа, игры, куража. Когда-то это имя гремело в России. В 2022 году Игорю Васильевичу исполняется 135 лет со дня его рождения.

Паяц, скоморох, фигляр, ерник, шут, гаер, клоун, кривляка, арлекин. Каких только лейблов не приклеивали Игорю Северянину! Это, конечно, имело немало оснований. Поэт с удовольствием ерничал и над собой, и над своими читателями. Говоря нынешним языком, поэзия Северянина — это непрерывный троллинг массового читателя. И в этой поэзии безусловно есть особый шарм. Но неожиданно шут стал королем — Игорь Северянин удостоился звания Короля поэтов. Такой вот Царственный паяц!

Карнавал мелькающих поэтических масок-личин не должен заслонять главного — Лица настоящего Поэта. «Игорь Северянин — поэт, в прекрасном, в лучшем смысле слова, <...> — писал один из его современников и признанный литературный авторитет Валерий Брюсов. — Это — лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир... <...> Это — истинный поэт, глубоко переживающий жизнь и своими ритмами заставляющий читателя страдать и радоваться вместе с собой. Это — ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое и клеймящий это в меткой сатире. Это — художник, которому открылись тайны стиха».

Игорь Васильевич как бы компенсировал своими нестерпимо красивыми, жеманными строчками серость и скуку однообразных будней, щедро угощая публику пряной экзотикой своих поэм с их неизменными графинями, будуарами, коктейлями, файв-о-клоками и прочими атрибутами гламурной, великосветской жизни, столь соблазнительными для мещанского вкуса. Он, может быть, полнее других воплотил одно из главных противоречий поэтической эпохи — стремление к изощрённости стихотворных и словесных форм и одновременно к демократизации поэзии, её лексики за счёт языка городских улиц и газет.

Северянин, безусловно, был ПОКЛОННИКОМ и верным РЫЦАРЕМ Красоты. Неслучайно он восклицал:

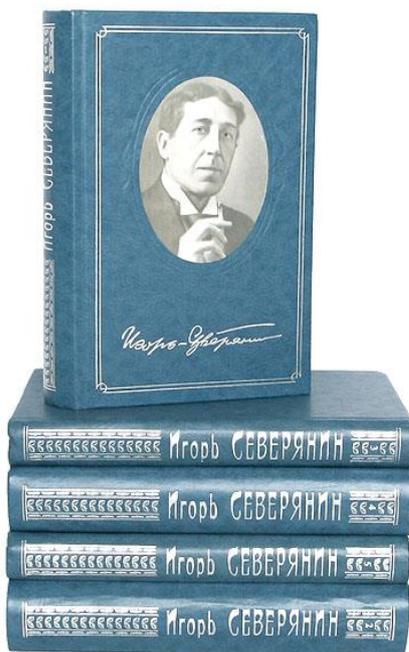
*<...> я живу в красоте
На величественной высоте.
Из окна виден синий залив.
В нем — луны золотой перелив.
И — цветущей волной деревень —
Заливает нас в мае сирень,
И тогда дачки все и дома —
Сплошь сиреневая кутерьма!
Оттого так душисты мечты —
Не сиреневые ли цветы?*

Игорь Северянин из стихотворения «На земле в красоте»

Сектор молодежного чтения ГБУК «Самарская областная библиотека для молодежи» подготовил Информационно-библиографический путеводитель «Я ЖИВУ НА ЗЕМЛЕ В КРАСОТЕ!» (Игорь Северянин). Он адресован всем интересующимся русской культурой, прежде всего юному читателю XXI века. Педагогам, библиотекарям и работникам других культурно-просветительных учреждений био - библиографический путеводитель послужит информационной поддержкой при подготовке сценариев северянинских мероприятий, адресованных молодежной аудитории.

Цель представленных в нем материалов – помочь погрузиться в феерический и удивительный мир верного рыцаря Красоты, одной из ярких поэтических звезд русского «серебряного века».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА!

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО В СЕВЕРНЫХ ТОНАХ

Игорь Васильевич Лотарёв, прославившийся под псевдонимом Игорь-Северянин, родился 16 мая 1887 года в Петербурге. Семья жила в фешенебельном доме на Гороховой улице под номером 66.

Несмотря на внешнее благополучие, детство бедующего поэта было окрашено в строгие и суровые «северные тона».

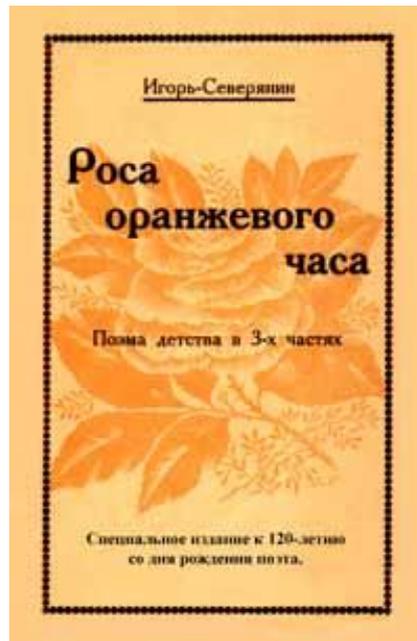
Петербург, ул. Гороховая, дом 66.

Отец, Василий Петрович Лотарёв (1860 г.р.), выходец из купцов, владимирских мещан. Он учился в немецком пансионе в Ревеле, потом - в Инженерном училище Санкт-Петербурга и далее по военной стезе. Прилежанием и технической смекалкой Василий Петрович дослужился до солидного чина — штабс-капитан железнодорожного батальона (впоследствии полка) и даже получил дворянское звание.

Василий Петрович Лотарев.

Вот так Игорь Васильевич описал отца в автобиографической поэме «Роса оранжевого часа»:

*Отец мой, офицер саперный,
Был из владимирских мещан.
Он светлый ум имел бесспорный
Немного в духе англичан.*

<...>

*Окончив Инженерный замок,
Отец мой вышел в батальон,
Не признавая строгих рамок,
Каких нескопленный мильон
Леонтьевны хотел от сына,
На то была своя причина:
Великолепнейший лингвист,
И образован, и воспитан,
Он был умен, он был начитан;
Любил под соловьиный свист
Немного помечтать; частенько
Бывал он в Comédie Française;
Но вместе с тем и Разин Стенька
В душе, где бродит русский бес,
Обрел себе по праву место ...*

Мать – аристократка (столбовая дворянка), Наталия Степановна (1837 г.р.), урожденная Шеншина (дочь предводителя дворянства Щигровского уезда Курской губернии Степана Сергеевича Шеншина). Шеншины имели свой герб, на котором значилось: «Ведомые Богом прямо к цели». Наталия Степановна была дальней родственницей историографа Николая Михайловича Карамзина и прославленного классика русской поэзии Афанасия Афанасьевича Фета.

Хотя некоторые современники Северянина и позднейшие исследователи его биографии подвергают сомнению факт престижного родства с Карамзиным, сам поэт не без гордости писал:

*Известно ль тем, кто, вместо нарда,
Кадит мне гарный дым бревна,
Что в жилах северного барда
Струится кровь Карамзина?
И вовсе жребий мой не горек!..
Я верю, доблестный мой дед,
Что я - в поэзии историк,
Как ты в истории поэт!*

Игорь Северянин «Поэза о Карамзине»

Наталия Степановна Лотарева.

Для Наталии Степановны брак с Василием Петровичем Лотарёвым был вторым. От первого брака с генерал-лейтенантом Григорием Ивановичем Домонтовичем осталась дочь Зоя, сводная сестра Игоря, которую он очень любил и был потрясен ее ранней смертью.

Матери в поэме «Роса оранжевого часа» посвящены такие строки:

*А мать моя была курянка,
Из рода древнего дворянка,
Причем, до двадцати двух лет
Не знала вовсе в кухню след.
Дочь предводителя дворянства
Всех мерила на свой аршин ...*

О первых годах жизни будущего поэта известно не так уж много. К мальчику для воспитания нанимали бонн и гувернанток. Его можно было бы назвать даже счастливым, если бы не постоянные ссоры родителей, больно ранившие его сердце.

Игорь Северянин в детстве.

Игорь Северянин в детстве.

Увы, брак родителей Игоря Северянина был мезальянсом. Они не были парой ни по происхождению (потомок мещан-купцов и столбовая дворянка), ни по возрасту (Наталия Степановна была старше Василия Петровича почти на двадцать пять лет). Но породниться со старинным родом и вдовой генерала было лестно для молодого амбициозного двадцатичетырехлетнего адъютанта. Увядающая красавица, очевидно, увлеклась молоденьким, речистым военным.

Отношения супругов Лотаревых переживали кризис, но они не ссорились, решив пожить отдельно друг от друга. В 1896 году, когда Игорю было 9 лет, Василий Петрович и Наталия Степановна расстались. На личности и повседневной жизни сына этот разрыв почти не отразился.

Позже в поэме «Роса оранжевого часа» появятся такие строки:

*Отец и мать! вы оба правы
И предо мной, и пред страной:
Вы дали жизнь певцу дубравы
И лиру с праведной струной.
Я сам добавил остальное –
Шесть самодельных острых струн.
Медно-серебряно-стальные,
Они – то голубь, то бурун.
<...>
Отец и мать! вы вечно правы!
Ваш сын виновный – правдой прав.
Клоню пред вами знамя славы,
К могилам дорогим припав.*

Вышедший в отставку отец переезжает вместе с сыном в Череповецкий уезд, в то время Новгородской губернии. Там и подрастал Игорь, на фоне величественной и суровой северной природы.

Усадьба «Сойвола».

Усадьба Сойвола, расположенная километрах в тридцати от Череповца, стала поэтической колыбелью Игоря Северянина. Она стояла на реке Суда, в очень красивом живописном месте - с девственными лесами, зелеными лугами, голубыми реками, в которых в изобилии водилась рыба.

Название усадьбы происходило от речки, по берегам которой размещались приписанные фабрике леса. Дом для новой усадьбы выстроили громадный, двухэтажный. О нем ходили мрачные слухи. Например, что в нем жило семь сестер-помещиц, убивавших своих маленьких новорожденных детей. Затем дом перекупила помещичья пара, вскоре кончившая жизнь самоубийством. И вот в таком доме мальчик Игорь жил один на втором этаже. По ночам он дрожал от страха, ему чудились привидения и покойники. Днем мальчик отдыхал на природе. Катался на лыжах, на лодках, на лошадях, ходил

в одиночку в дальние походы. Отданный на попечение тетки, которой до него вовсе не было дела, он был предоставлен сам себе и был очень одинок. Его спасали зимой - лыжи, летом - рыбалка, лодки, длинные пешие прогулки, лошади, одна из которой была его личной, собаки, разговоры с местными крестьянами, походы в лес за грибами и ягодами.

Часто бывал Игорь и в расположенном неподалеку имение «Владимировка», принадлежащего брату отца, дяде поэта Михаилу Петровичу Лотареву и тете Елизавете Петровне Журовой.

Игорь Лотарев (крайний слева в первом ряду), Василий Петрович Лотарев — отец (крайний справа во втором ряду), рядом с ним Елизавета Петровна Журова — тетка, Михаил Петрович Лотарев — дядя (в центре) и другие родственники в доме на реке Суде, близ Череповца. Конец 1890-х гг.

Дом начали строить лишь в 1899 году по такому же типу, как была сооружена «Сойвола» (сейчас там находится литературный музей Игоря Северянина).

Усадьба «Владимировка»

Литературный музей Игоря Северянина.

Отец редко бывал дома, больше в разъездах. Заботу о племяннике взяла на себя тетя Елизавета Петровна. У маленького Игоря даже была своя лошадка. Но он был предоставлен сам себе, серьезно его воспитанием никто не занимался. Так будущая литературная звезда и рос дикарем в северных лесах. Он пристрастился к рыбалке.

Детские воспоминания стали строками поэмы «Роса оранжевого часа»:

*Сын тети Лизы, Виктор Журов,
Мой и моей Лилит кузэн,
Любитель в музыке ажуров,
Отверг купеческий безмен:
Студентом университета
Он был, и славный бы юрист
Мог выйти из него, но это
Не вышло: слишком он артист
Душой своей. Улыбкой скаля
Свой зуб, дала судьба успех:
Теперь он режиссер «La Scala»
И тоже на виду у всех...*

*О мой Vittgrio Andoga!
Не ты ль из Андоги возник? ...
Имел он сеттера и дога,
Охотился, писал дневник.
Был Виктор страстным рыболовом:
Он на дощанике еловом
Нередко ездил с острогой;
Лая изрядно гордых планов,
Ловил на удочку паланов;
Моей стихии дорогой —
Воды — он был большой любитель,
И часто белоснежный китель
На спусках к голубой реке
Мелькал: то с удочкой в руке
Он рыболовить шел. Ловите
Момент, когда в разгаре клёв!
Благодаря, быть может, Вите,
И я — заправский рыболов.
В моей благословенной Суде —
В ту пору много разных рыб,
Я, постоянно рыбу удя,
Знал каждый берега изгиб.
Леци, язи и тарабары,
Налимы, окуни, плотва.
Ах, можно рыбою амбары
Набить, и это не слова!..
Водились в Суде и стерлядки,
И хариус среди стремнин...
Я убежал бы без оглядки
В край голубых ее глубин!
...О Суда! Голубая Суда,
Ты, внучка Волги! дочь Шексны!
Как я хочу к тебе отсюда
В твои одебранные сны!..*

Образование Игорь получил в Череповецком реальном училище. Кроме того, немного посещал художественную школу. Учился он, увы, небрежно и неохотно. Другое дело - учинить какую-нибудь проказу! Известен случай, когда Игорь с приятелем купил жеребца и втащил его на второй этаж, где квартировал. О проблемах, связанных с учебой, свидетельствуют найденные в архивах училища документы: Игорь Лотарев ходил в записных двоечниках и даже оставался на второй год.

В «Росе оранжевого часа» Северянин напишет:

*Череповец, уездный город,
Над Ягорбой расположен,*

*И в нем, среди косматых бород,
Среди его лохматых жен,
Я прожил три зимы в Реальном,
Всегда считавшемся опальным
За убиение царя
Воспитанником заведенья,
Учась всему и ничему
(Прошу покорно снисхожденья!..)*

Закономерно предположить, что Игорь очевидно столько Череповец не любил, сколько терпеть не мог учиться в полувоенном заведении.

Отец, несправившийся со своенравным подростком, вызвал в Череповец из Петербурга мать Игоря. Счастью мальчика не было предела, но учиться своенравный подросток все равно не желал. Мать, в отличие от отца, не настаивала, чтобы ее сын грыз гранит науки. Главное, говорила она, привить вкус, все остальное приложится. И вкус у Игоря Северянина действительно был. Усилия матери не пропали даром. В конце концов Игорь и вовсе отказался продолжать образование – ушел из пятого класса училища. Отец был недоволен, но настаивать не стал.

В поэме «Роса оранжевого часа» сам Игорь Северянин признавался:

*Для всех секрет полишинеля,
Как мало школа нам дает...
Напрасно, нос свой офланеля,
Ходил в нее я пятый год:
Не забеременела школа
Моим талантом и умом,
Но много боли и укола
Принес мне этот «мертвый дом»,
Где умный выглядел ослом.
Убого было в нем и голо, —
Давно пора его на слом!*

Сегодня административном здании Череповецкого университета (бывшее реальное училище) украшает скромная мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь учился (хотя и недоучился!) Игорь Северянин.

Отсутствие основательного, систематического образования будет преследовать Игоря Северянина всю жизнь. Но это его не особенно огорчало:

*Не мне в бездушных книгах
Черпать
Для вдохновения ключи, -
Я не желаю исковеркать
Души свободные лучи!*

*Я непосредственно сумею
Познать неясное земле...
Я в небесах надменно рею
На самодельном корабле!*

*Влекусь рекой, цвету сиренью,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.*

*Я стыну льдом, волну
сфинксом,
Порхаю снегом, сплю скалой,
Бегу оленем к дебрям финским,
Свищу безудержной стрелой.*

*Я с первобытным неразлучен,
Будь это жизнь ли, смерть ли
будь.
Мне лед рассудочный докучен, -
Я солнце, солнце спрятал в грудь!*

*В моей душе такая россыпь
Сиянья, жизни и тепла,
Что для меня несносна поступь
Бездушных мыслей, как зола.*

*Не мне расчет лабораторий!
Нет для меня учителей!
Парю в лазоревом просторе
Со свитой солнечных лучей.*

*Какие шири! дали! виды!
Какая радость! воздух! свет!
И нет дикарству панихиды,
Но и культуре гимна нет!*

Игорь Северянин из стихотворения «Порог»

Вот как характеризовал своего литературного собрата Валерий Яковлевич Брюсов:

«Игорь Северянин сам не скрывает, что мысли не его удел. «Я — самоучка-интуит», — сообщает он в одном месте. То была бы еще не большая беда, и Пушкин во многих отношениях был самоучкой; хуже, что Игорь Северянин пренебрежительно относится вообще к учению. «Не мне в бездушных книгах черпать!» — гордо заявляет он. И из его стихов видно, что он действительно не так-то много «черпал» в книгах. Как только он подступает к темам, требующим знаний (хотя бы и весьма элементарных), это обнаруживается. Например, у Игоря Северянина Нерон клянет свой трон, а гетеры (!) глядят на него из лож партер красноекожие в Мексике мечут бумеранг; слово «шимпанзе» получает ударение на «а»; брамин целует идею и т. п. Не видно даже знакомства с литературой, что, казалось бы, для поэта обязательно. В стихах Игоря Северянина упоминаются лишь наиболее популярные писатели, а если встречается имя чуть-чуть менее общеизвестное, как заметно, что поэт знает его лишь понаслышке: как, например, он говорит о строфах Верхарна, этого почти всегда а-астрофического поэта!».

Василий Петрович вместе с родственниками пытались заниматься коммерцией. Недалеко от Сойволы была выстроена древесно-картонная фабрика «Товарищества Е.П. Журовой и В.П. Лотарева». При строительстве фабрики Лотарева выложились, что называется, до последнего рубля, надеясь поправить свои дела после ее пуска. Но приближался кризис 1905 года. Фабрика ушла с молотка почти за бесценок. Тогда отец поехал на Дальний Восток, где получил место коммерческого агента. Увы, ничего не вышло и там.

В 16 лет Игорь был увезен отцом в Китай, на Квантунский полуостров, в арендованные Россией порты Дальний и Порт-Артур. Парень был очарован и поражен природой и экзотикой местного восточного быта. Там в его поэзию вошли и океанский простор, и глобальность масштабов: «От Баязета до Порт-Артура».

Прогулки по горам, поездки в Порт-Артур, увлечение молодой японочкой ... в памяти навсегда остались увиденные корабли русской эскадры. Русско-японская война уже приближалась. Э это напряжение чувствовал и юный Игорь.

Возвращался юноша из Китая один, поссорившись со смертельно больным отцом. В 1904 году Игорь переехал к матери, жившей в Гатчине.

ЮНОСТЬ В ГАТЧИНЕ. КАК НЕ СТАТЬ ВЕЛЬМОЖЕЙ, ДОНЖУАНОМ, ДЕНДИ?

Именно в этот гатчинский период, оставив за спиной северное одиночество, путешествия и рыбалки, Игорь тогда еще Лотарев погрузился в игровые стихии. Молодой, но уже имевший хороший жизненный опыт, человек чувствовал себя поэтом. Бродя по царским паркам и дворцам, куда его как местного подростка пускали бесплатно, он наслаждался в Гатчине игрой в императорский стиль.

Возможно, не было бы Гатчины с ее павловскими имперскими мизансценами, не было бы и северянинского грезофарса. Все эти фарфоровые дворцы и принцессы Мимозы, принцы Сирени и короли, колье принцессы и небес, палаццо появились не из мистических видений, а из гатчинской природной и придворной реальности, помноженной на фантазию талантливого юноши.

Гатчина

Юность в Гатчине дает о себе знать. Как тут не стать вельможей, изящным кавалером? Давид Бурлюк (поэт, художник, один из первых основоположников футуризма) после первых встреч с поэтом, узнав о его родстве с Карамзиным, чем тот щеголял («И в жилах северного барда / Струится кровь Карамзина») писал: «Запрятавшись за красный тяжелый штоф завес, еще теплятся свечи, и при их бледных всплесках предо мной высокомерное взнесенное к потолку лицо мучнистого цвета, со слегка одутловатыми щеками и носом. Смотришь, нет ли на нем камзола. Перед тобой Екатерининский вельможа. Северянин сам чувствовал в себе даже наружные черты восемнадцатого века, недаром он несколько раз напоминал о родстве с Карамзиным. Не беспочвенно и его стремление выразить чувства в утонченных «галлицизмах». И только такой поэт мог возникнуть в Петербурге».

1905-й год. На фоне декораций Гатчины разыгралась одна из сильных любовных драм Игоря Северянина. Он познакомился с юной и очаровательной Евгенией Гуцан. Девушка жила и работала в Петербурге швеей. В Гатчину она приезжала по выходным навещать больного спившегося от семейных неурядиц отца дворника Тимофея.

Евгения Гуцан

*Ей тоже восемнадцать лет. Блондинка,
Высокий рост и чудный цвет лица.
Она вернулась вечером с работы
И, поклонясь слегка, прошла в каморку
К себе. Я мельком на нее взглянул,
Но все же различить успел и свежесть
Ее лица, и красоту походки,*

*И общее изящество. Не странно ль,
Но сразу я почувствовал влечение
К той девушке. Я больше не встречал
Ее ни разу в это лето.*

(Из автобиографического романа в стихах
Игоря Северянина «Падучая стремнина»)

И вдруг – весенняя романтическая встреча ... Евгения потрясла Северянина своей свежестью, точеной фигурой, роскошной копной золотых волос, очарованием юности. Ее сиреневая накидка и голубая шляпка через годы вспоминались поэту как часть золотистого весеннего образа возлюбленной, которую он нежно называл Златой:

*Идет весна в сиреновой накидке,
В широкой шляпе бледно-голубой,
И ландышей невидимые струйки
Бубенчиками в воздухе звучат...
Она, смеясь, мои щекочет нервы,
Кокетничает мило и остро...
Я к ней спешу, и золотую Златой
Вдруг делается юная весна,
Идущая в сиреновой накидке,
В широкой шляпе бледно-голубой...
Я беден был, и чем я был беднее,
Тем больше мне хотелось жить...*

(Из автобиографического романа в стихах
Игоря Северянина «Падучая стремнина»)

Их роман развивался стремительно. Молодые люди встречались ежевечерне, когда Евгения кончала работу. Кроме того, они обменивались письмами. Чтобы не расставаться с любимой, Игорь даже продал букинисту любовно собранную библиотеку и снял для них комнату на Офицерской улице.

Позже Северянин вспоминал об этих неделях:

*О, в пятом этаже на Офицерской
Вблизи Казанской части уголок!
Пою тебя восторженно и звонко,
И вдохновенно светятся глаза!
Что книги мне! Ах, что мне все на свете!
Я приобрел подругу целиком!*

<...>

*Такое счастье, что и мне, поэту,
Волхву кудесных слов и выражений,
Словами невозможно передать!
Такое счастье сильное, большое,*

*Живое, неповторное такое,
Что даже страшно, как могу на свете
Еще я жить, то счастье потеряв!
Такое счастье, истинное счастье,
Которое спустя шестнадцать весен
И разлюбя с тех пор полсотни женщин,
Испытываю всей своей душой!
Такое счастье ярко-золотое,
Что и теперь его припоминая,
Я жмурить принужден глаза мечты,
Иначе сердце может разорваться.
Иначе я с ума сойду – такое,
Такое счастье мне дала она!*

Из автобиографического романа в стихах
Игоря Северянина «Падучая стремнина»

Евгения Гуцан

Однако средств от продажи фолиантов хватило лишь на три недели. Но что делать дальше? Ситуация складывалась тупиковая. Игорь жил тогда на деньги дяди «до лучших времен». Сама мысль о службе казалась ему кощунственной. Поэзия и канцелярия — несовместимы, в этом он был убежден. И Наталья Степановна потакала сыну, не в силах отказать ему ни в чем. Возникал, правда, в семейных разговорах вариант: сдать Игорю экзамены экстерном и поступить в университет. Но и он откладывался с года на год.

Как родовитая дворянка, мать Игоря была категорически против отношений сына и Евгении. Девушка из гордости не навязывала своего знакомства родным Игоря. Наталия Степановна настраивала сына против

девушки. Евгению же она уговорила признаться Игорю в своей мнимой измене, очевидно, что-то посулив ей взамен.

Что мог предложить Игорь даме своего сердца? Он задаривал девушку стихами (ничего другого предложить не мог). Уйти из дома и жениться — казалось Игорю дико и смешно. Его час еще не пробил. Надо писать, совершенствовать свой дар. Позднее он признается в романе в стихах «Падучая стремнина»:

*Жениться же на ней, сказать по правде,
Мне было дико и смешно немного
Не оттого, что я боялся шага
Подобного, и просто оттого лишь,
Что не имел в виду работы вскоре,
Не знал, какие ждут меня успехи.
В литературе жил подобно птичке —
Ну, кратко говоря, я был поэт!*

Вот если б достать денег, но — как? Он изумлял себя и Евгению фантастическими планами. Девушка посоветовала ему уехать отдохнуть на Пасху в Соиволю. Сама она уехала в Гатчину, - шить заказчице платья. Любимому Евгения посоветовала нанять поблизости дачу, чтобы встречаться с ним.

Но ни любимые с детства лыжные прогулки, ни поездки в санях с кузенами в Заозерье не могли отвлечь Игоря от мыслей о Евгении - Злате. Едваждавшись окончания праздника, он вернулся в Петербург. Уподобив себя пилигриму, идущему к святым местам, он отправился с утра по шпалам в Гатчину. Шел весь день. Его появление для Евгении было полной неожиданностью. «Подвиг», о котором он ей сообщил, вызвал у нее слезы и смех. «Неужели мы расстанемся когда-нибудь?» — спросила девушка. «Пока я жив, Злата, всегда буду с тобой», — ответил поэт. Увы, своих обещаний Игорь не выполнит.

Идиллия, начавшаяся столь романтично, «хеппи-эндом» не увенчалась. Роль романтического Дон Жуана для Северянина не увенчалась успехом. Вскоре Евгения призналась, что у неё будет ребёнок. О женитьбе не было речи. Какой он отец? - восемнадцатилетний юнец, без образования, без специальности, без гроша в кармане. Кроме того, однажды в августе 1906 года под железнодорожным мостом через Ижору поэт познакомился с обольстительной певичкой Диной. Игорь Лотарев помог ей освободить застрявшую в камнях лодку. Дина соблазнила неопытного юношу. Слезы и покаянное самоуничижение не могли исправить случившегося. Отношения с Евгенией были испорчены безнадежно. Не лучшим образом повела себя и героиня романа. Евгения поселилась у богатого и старого мецената, которому родила свою вторую дочь. Северянин увидит свою дочь Тамару (ставшую балериной) впервые только в Германии уже 16-летней.

Много лет поэт будет искать милые черты Златы во множестве других женщин. Даже смирившись с утратой возлюбленной, он всегда чувствовал, что лишился половины души.

Любовные переживания слились у Северянина с воспоминаниями о драме, разыгравшейся на Дальнем Востоке, гибелью совсем недавно виденных им красавцев крейсеров и броненосцев. Ему запомнился роскошный бал на крейсере «Рюрик», устроенный генерал-лейтенантом Кондратенко, позже погибшим при обороне Порт-Артура, — мол, у нас все спокойно, пьем шампанское. А в корабельных арсеналах в это время считали снаряды.

Жизнь на Дальнем Востоке в годы русско-японской войны способствовала тому, что среди любовной лирики, которую начал писать Северянин, появились стихи на патриотические темы. Северянин написал целый цикл стихотворений, посвященных битвам в океане: «Бой при Чемульпо», «Гибель "Рюрика"», «Подвиг "Новика"», «Взрыв "Енисея"», «Потопление "Севастополя"», «Захват "Решительного"», «Конец "Петропавловска"». Именно с этих стихов Игорь Северянин всегда отсчитывал начало своей профессиональной поэтической деятельности, к тому же их публикация была дебютом поэта в печати.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЛИТЕРАТУРЕ. ИСТОРИЯ ПСЕВДОНИМА

Писать стихи Игорь начал рано. Ему тогда еще не исполнилось и девяти лет. Стихотворение «Звезда и дева» по духу романтическое, и, думается, появлению его способствовали ранние влюбленности и театр.

Известно, что восьми-девятилетним ребенком будущего поэта водили на все оперные спектакли Мариинского театра. Он был зачарован музыкой, голосами Шаляпина, Собинова и других блистательных артистов. «Удивительно ли, что стихи мои стали музыкальными», - напишет Северянин.

Сам Игорь Северянин определял начало своего творческого пути 1905-м годом. Попав в Петербург 31 декабря 1903 года, он начал посылать по различным редакциям свои стихотворные опыты. В большинстве случаев они возвращались с вежливыми отказами. Редакторы мотивировали их то недостатком места, то советовали обратиться в другой журнал, находя их для себя неподходящими. Чаще всего возвращали вовсе без объяснения причины. Продолжалось это до тех пор, пока Северянин не прекратил рассылать, окончательно убедившись в невозможности попасть без протекции в какой-либо журнал. Он был разозлен существовавшим обычаем, редакционной кружковщиной и кумовством. Иными словами, печатали стихи родственников и знакомых. Тогда одна знакомая его доброй знакомой, бывшая хорошо знакомой редактора солдатского журнала «Досуг и дело», передала ему стихотворение Северянина «Гибель Рюрика». Оно и было помещено 1 февраля 1905 года во втором номере журнала под настоящей фамилией: Игорь Лотарёв. Однако гонорара автору не дали и даже не прислали номер журнала с его стихотворением.

Литературе Игорь сразу же отдался самозабвенно. С 1904 по 1912 г. Игорь Северянин издал за счет своего богатого дядюшки из череповецкой Владимировки Михаила Петровича Лотарева 35 тоненьких брошюр стихов (от 2 до 16 стихотворений) и продолжил рассылать их по редакциям «для отзыва». Стихи особого отклика не имели.

Но, упомянутая публикация в столичном, хоть и скромном, журнале настолько окрылила, юного поэта, что он придумал себе красивый псевдоним: Игорь Северянин.

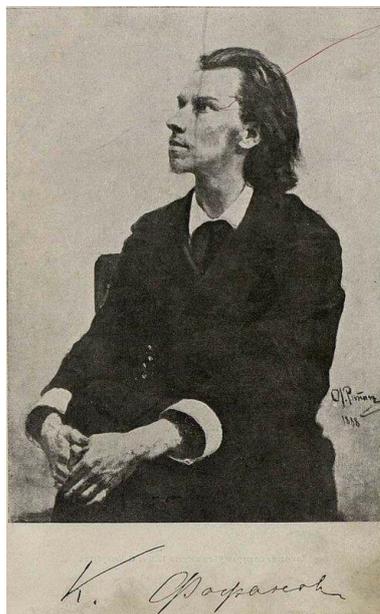
Игорь Северянин (Лотарев).

Как возник загадочный псевдоним «Игорь-Северянин»? И что обозначают эти соединенные дефисом имя и прозвище? Известны писательские сложные псевдонимы: Мамин-Сибиряк, Новиков-Прибой, когда прозвище добавляется к фамилии. Но соединение через дефис имени и прозвища в нашей литературе не встречалось.

К псевдонимам Игорь тянулся чуть ли не с первых стихов. Еще в сентябре 1905 года, написав стихотворение, посвященное смерти любимой поэтессы — «Певица страсти (Памяти Мирры Лохвицкой)», — юный поэт подписал его «Князь Олег Сойволский». Очевидно, титул князя Игорь взял из любви к аристократизму, а вот добавление Сойволский свидетельствовало о тяге к Русскому Северу, отсылало к имению череповецких родственников Сойвола, где Игорь прожил несколько лет и полюбил северную природу. Позже этим же псевдонимом были подписаны стихи в сборнике «Мимоза», в частности стихотворение «Призрак отца», посвященное годовщине его смерти. Да и имя Олег, скорее всего, взято из древних преданий. Имя Игорь было дано ему по святым, в честь святого древнерусского князя Игоря Олеговича, вот и вспомнился ему Олег.

Количество псевдонимов росло. Стихи, посвященные Дальнему Востоку, где Игорь некоторое время жил с отцом, он подписывал «Квантунец». Любовные стихи отвергнутого юнца, посвященные кухне Лиле, коварно вышедшей замуж, он подписал «Изгнанник». Самым нелепым и вычурным стал его каламбурный псевдоним Граф Евграф Д'Аксанграф, которым он подписал свою эпиграмму на контр-адмирала князя Ухтомского. Но со временем ему захотелось определить некий индивидуальный знак, заявляющий о нем самом и его стиле.

Один из знатоков творчества Северянина Михаил Петров связал появление ставшего брендом, поэтическим знаком Игоря Лотарева псевдонима «Северянин» с влиянием поэта-романтика Константина Михайловича Фофанова, культивированием собственной гениальности.

Константин Михайлович Фофанов.

Он внушил молодому человеку также и то, что ум поддается тиражированию, поэтому ум есть достояние толпы, а индивидуальностью обладает только безумие, поэтому безумие и есть удел гения». С темой гениальности тесно связан псевдоним Игоря Лотарева. В творческой биографии поэта он символизирует переход от эпохи ученичества к эпохе мастерства. Если юношеские псевдонимы Игоря Лотарева (упомянутые «Мимоза», «Игла» и «Граф Евграф Д'Аксанграф») — это еще неотъемлемая часть ученического процесса, даже игры в поэта. Псевдоним «Игорь-Северянин» — это уже акт инициации Поэта с большой буквы. Игорь-Северянин — это уже зрелый, опытный мастер.

Современники поэта — издатели, журналисты и критики — воспринимали форму написания псевдонима либо как проявление безграмотности его носителя, либо как проявление излишнего, запредельного для общества индивидуализма — игры в гениальность. Поэтому еще при жизни поэта сложилась практика опрощения псевдонима и написание его в форме имени и фамилии — «Игорь Северянин». Впрочем, и сам поэт в порыве поэтического вдохновения забывал о написании изобретенного им псевдонима. Сплошь и рядом мы видим в его же стихах ссылки на просто Северянина, без всяких дефисов. Что же он собственные правила не соблюдает? Никакие, даже им самим придуманные правила не могли его ограничить.

Безусловно, псевдоним отразил зародившуюся еще в детстве любовь Игоря Лотарева в Северу, стал своеобразным знаком верности родному краю.

Всю жизнь он был гением и певцом Русского Севера. В северных лесах и на берегах северных рек впервые явилась ему его Муза («Лесофея»).

Пусть для ценителей глубинной мифологии Северянина останутся в силе утверждения одного из исследователей жизни и творчества поэта Михаила Петрова: «Псевдоним «Игорь-Северянин» равнозначен формуле «я — гений». Тандем в известном смысле представляет собой основную мифологему поэта. Под мифологемой мы понимаем в данном случае устойчивое состояние индивидуальной психофизиологии, в котором зафиксированы каноны существующего для поэта порядка вещей, а также описания того, что для него существует или имеет право на существование. То, чему поэт отказывается дать название, перестает для него существовать в реальности и наоборот, то, что им названо, получает право существовать самостоятельно, право быть вне мифологемы поэта. Псевдоним — особая мифологема, но и в усеченном виде она фиксирует основной порядок вещей и служит концептуальным обоснованием взаимодействия поэта с обществом. В некотором смысле люди, реализующие собственную мифологему, живут в ней и поэтому нечувствительны к реальности».

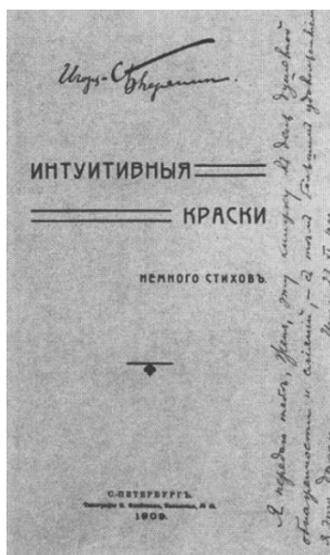
Массовый читатель уже начал узнавать северянинские очаровывающие мелодии, но в мире высокой литературы его пока не признавал никто. Так могло продолжаться бесконечно долго. Популярность у широкого читателя часто не совпадает с вниманием литературной элиты (к примеру, в Советском Союзе уже все пели песни Владимира Высоцкого, а многие именитые авторы его и за поэта не считали). Но тут, как сказали бы сейчас, в «раскрутке» помог Северянину сам Лев Николаевич Толстой.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК PR-МЕНЕДЖЕР СЕВЕРЯНИНА

В январе 1910 года в Ясную Поляну к Льву Толстому приехал из Москвы сторонник его учения и популярный и бойкий литератор Иван Федорович Наживин. Об одном из вечеров он рассказал в своем очерке «В Ясной Поляне»: «Много смеялся он <Толстой> в этот вечер, слушая чтение какой-то декадентской книжки — не то «Интуитивные звуки», не то «Интуитивные краски», где, разумеется, был и «вечер, сидящий на сене», и необыкновенная любовь какая-то, и всевозможные выкрутасы. Особенно всем понравилось стихотворение, которое начиналось так:

Вонзим же штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не станут робки...

Но вскоре Лев Николаевич омрачился. «Чем занимаются!.. Чем занимаются!.. — вздохнул он. — Это литература! Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки!» ...»

*Вонзите штопор в упругость пробки, —
И взоры женицин не будут робки!..
Да, взоры женицин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки...*

*Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..
Ловите женицин, теряйте мысли...
Счет поцелуям — пойди, исчисли!
И к поцелуям финал причисли,
И будет счастье в удобном смысле!..*

Игорь Северянин «Хабанера II»

Безусловно, как сторонник реалистического искусства, Лев Толстой не ощутил северянинской игры, иронии. Он воспринял эти стихи слишком всерьез.

Еще выразительнее этот эпизод Наживин описал позже, в своей книге «Из жизни Льва Толстого», вышедшей уже после смерти Толстого, в 1911 году: «В один из вечеров писатель после удачно закончившейся для него карточной игры (выиграл 7 копеек) много смеялся, слушая чтение стихов из какой-то декадентской книжки. Но когда прозвучали строки... об упругости винной пробки — захлебнулся от негодования. <...> Услышав подобное, великий старец пришел в ярость: какая глупость! Какая пошлость! Какая гадость! И такую гнусность смеют считать за стихи! До какого падения дошла русская поэзия!».

Иван Федорович не промедлил отправить эту цитату во многие издания. Рассказ подхватили журналисты, кто-то тиснул «слово Толстого» в популярном «Новом времени». Отзыв Льва Николаевича прогремел на всю Россию. Со словами, сказанными Толстым, ознакомились многие любители

поэзии и, собственно, сам Северянин. Наживин полагал, что Толстой уничтожил Северянина, раздавил его, как клопа. Но такая беспощадная критика не сломала талантливого поэта, а наоборот, пошла ему на руку. Ни одна восторженная статья не смогла бы так вознести Северянина. Ведь, как говорится, черный пиар – тоже пиар. Имя Игоря Васильевича стало известным, его бранили все, кому не лень. А журналы, жаждущие сенсации и наживы, охотно печатали рукописи Северянина на своих страницах. Это заставило Игоря Северянина радостно воскликнуть:

*Я прогремел на всю Россию,
Как оскандаленный герой!..
Литературного Мессию
Во мне приветствуют порой.
Порой бранят меня площадно, —
Из-за меня везде содом!
Я издеваюсь беспощадно
Над скудомысленным судом.*

Лев Толстой, сам того не ожидая, помог Игорю-Северянину с утверждением своей литературной маски, которая помогла ему вырваться из безвестности.

Как бы то ни было, Северянин вошел в моду. Журналы охотно печатали его стихи, каждая новая его книга тщательно комментировалась критикой. По этому поводу поэт элегантно шутил:

*Моя вторая «Хабанера»
Взорвалась, точно динамит.
Мне отдалась сама Венера,
И я всемирно знаменит!..*

«А дальше произошло самое интересное. Всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну... С легкой руки Толстого меня стали бранить все, кому было не лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них, - в вечерах, участие», — вспоминал позднее поэт. Взоры читателей (особенно женщин) и впрямь не стали робки, чем успешно пользовался долгое время Игорь-Северянин.

Чтобы закрепить успех, а возможно, и с целью создать теоретическую базу своему поэтическому творчеству. Северянин вместе с Константином Олиповым (Фофановым – сыном К.М. Фофанова) основывает в 1911 году в Петербурге кружок «Его», с которого, собственно, и начался эгофутуризм. Слово «эгофутуризм», в переводе с латыни означающее «Я – будущее», впервые появилось в названии сборника Северянина «Пролог. Эгофутуризм. Поэза грандос. Апофеозная тетрадь третьего тома» (1911).

ФУТУРИЗМ С ДОБАВКОЙ «ЭГО»

Как это не покажется кому-то парадоксальным, но первым российским футуристом стал не эпатажно-революционный Владимир Маяковский со

своими братьями-экспериментаторами, а салонно-жеманный Игорь Северянин! В 1909 году вокруг него начал образовываться кружок поэтов, а в 1911-ом сложилось полноценное творческое объединение получивший название эгофутуризма. Помимо Северянина в него поэты Константин Олимпов, Георгий Иванов, Стефан Петров (Грааль-Арельский), Павел Кокорин, Павел Широков, Иван Лукаш, Вадим Баян, Сергей Алымов, Георгий Шенгели, Рюрик Ивнев, Вадим Шершеневич, Василиск Гнедов, Иван Игнатъев и другие. Как и стоило ожидать от Игоря-Северянина, предтечами эгофутуристов были объявлены такие отнюдь не авангардистские поэты «старой школы», как Мирра Лохвицкая и Константин Фофанов. Безусловно, среди них Северянин – звезда: самый яркий и талантливый поэт.

Ареопаг ассоциации Эго-Футуризм. Сидит Иван Игнатъев. Стоят: Дмитрий Крючков, Василиск Гнедов и Павел Широков.

Вот сотворенный Игорем Северяниным поэтический манифест эгофутуристов:

*Прах Мирры Лохвицкой осклепен,
Крест изменен на мавзолей, -
Но до сих пор великолепен
Ее экстазный станс аллеи.*

*Весной, когда, себя ломая,
Пел хрипло Фофанов больной,
К нему пришла принцесса мая,
Его окутав пеленой...*

*Увы, пустынно на опушке
Олимпа грезовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин,
Нам надо новых голосов!*

*Теперь повсюду дирижабли
Летят, пропеллером ворча,
И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!*

*Мы живы острым и мгновенным, -
Наши избалованный каприз:
Быть ледяным, но вдохновенным,
И что ни слово - то сюрприз.*

*Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...*

*Душа утонченно черствеет,
Гнила культура, как рокфор...
Но верю я: завевет веер!
Как струны, брызнет сок амфор!*

*Придет Поэт - он близок! близок! –
Он запоеет, он воспарит!
Всех муз былого в одалисок,
В своих любовниц претворит.*

*И, опьянен своим гаремом,
Сойдет с бездушного ума...
И люди бросятся к триремам,
Русалки бросятся в дома!*

*О, век Безразумной Услады,
Безлистно-трепетной весны,
Модернизированной Эллады
И обветшалой новизны!..*

Игорь Северянин «Пролог».

Одним из международно признанных гуру, теоретиков футуризма был итальянский эксцентрический поэт и философ Филиппо Томмазо Маринетти. Безусловно, к поэтически-философским выходкам итальянца Игорь Северянин никакого отношения не имел. Однако, ему понравилось это новое

иностранный слово. Позже Северянин писал: «В отличие от школы Маринетти, я прибавил к этому слову [футуризм] приставку «эго» и в скобках «вселенский».

*В ничем — ничто. Из ничего — вдруг что-то,
И это — Бог.
В самосозданье не дал Он отчета, —
Кому б Он мог?
Он захотел создать Себя и создал,
Собою прав.
Он — Эгоист. И это так же просто,
Как запах трав.
Бог создал свет, но не узнали люди,
Как создан свет.
И поэтично ль грезит нам о чуде,
И Бог — поэт!
И люди все — на Божие подобье:
Мы — богодробь.
И если мы подвластны вечной злобе,
Отбросим скорбь:
Не уничтожен Богом падавший ангел,
Не умерщвлен.
Он — в женщине, он в бешеном мустанге, —
Повсюду он.
Так хочет Бог. Мечты Его пречисты.
И взор лучист.
Природа, Бог и люди — эгоисты:
Я — эгоист!*

Игорь Северянин «Поэза истины»

Поэт провозглашал ценность каждой личности:

*Жизнь человека одного —
Дороже и прекрасней мира».*

«Лозунгами моего эгофутуризма были: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со «стереотипами» и «заставками». 7. Разнообразие метров» -утверждал Игорь Северянин.

Многие, не без оснований, что на мысль о создании эгофутуризма как собственного поэтического направления Северянина натолкнул все тот же его младший друг Константин Олимпов (Фофанов). Есть основания считать, что именно им были предложены и слово «поэза», и сам кружок «Эго».

Константин Олимпов (Фофанов).

Позже Игорь Северянин и Олимпов рассорились из-за взаимных претензий на первенство. Закончилось это тем, что Игорь-Северянин назвал в стихах своего бывшего друга, сына обожаемого им Фофанова, Иудой: «Я зрил в Олимпове Иуду, / Но не его отверг, а — месть ...».

«Эгофутуризм» вместе с «кубофутуризмом» был одной разновидностью русского футуризма, но кроме созвучия названий, по существу, имел с ним очень мало общего. Эгисты не принимали внешне вызывающего вида кубистов, их жёлтые кофты, красные фраки, разрисованные лица. В отличие от кубофутуризма, который вырос из творческого содружества единомышленников, эгофутуризм был индивидуальным изобретением поэта Игоря Северянина. В отличие от кубофутуристов, имевших четкие цели (атака на позиции символизма) и стремившихся обосновать их в своих манифестах, Северянин, кроме декларативных лозунгов, не имел конкретной творческой программы либо не желал ее обнародовать. Кубофутуристы хотели быть художниками-модернистами в слове, а Игорь Северянин писал: «Я — композитор: в моих стихах чаруйные ритмы». Звуковое начало характеризует стихи, или поэты, как он их называл, раннего Северянина и задает тему.

Создавая школу эгофутуризма, Северянин заботился об обновлении поэтической формы и языка. Не желая писать «примитивно», он сознательно экспериментировал со словом и рифмой.

Особый интерес представляют десять придуманных поэтом новых строфических форм: миньонет, дизель, кэнзель, секста, рондолет, перекаат, квадрат квадратов, квинтина, перелив, переплеск, которые поэт использовал в своем творчестве и описал в «Теории версификации» (1933 г.). Обращаясь к строгой форме сонета — Игорь Северянин оставался в границах русской поэзии, ее традиций и эволюционного развития в XX веке. Даже самые скандальные его строчки, ставшие притчей во языцех — только продолжают старую тему «поэт о себе».

Игорь Северянин смело экспериментирует с языком, с наслаждением и восхищением играет в словообразование, подобно тому, как играют в бисер герои романа Германа Гессе («и что ни слово - то сюрприз!»). В отличие от бессмыслиц неологизмов кубофутуризма, которые через самый звук слова стремились донести их смысл, Северянин ратовал за осмысленные

неологизмы. Речетворящий играющий дух Игоря Северянина изобрел почти три с половиной тысячи новых слов: прелесть, снегурочность, противостатность, оцариться, свирельница, эксцессэр, резервэрка, министресса, поэтичка, рыцарица, Миррэлия, кадрийон, рондолет, лексионэр, сударышня, Акмеич, Эклерезита, смеюнья, гасунья, цветунья, грёзность, лосскость, ближница, культурник, гениалец, далёчница, интуитта, героиза, нервиза, грёзэр, мчатель, чересчуринька, блондный, мотивовый, заристый, свирельчатый, гурманический, беатрический, монстриозный, богадельнинский и т.д.

Словотворчество Северянина было тесно связано с поэтической традицией. Да, он был хулиганящим футуристом, но оставался литературным джентльменом! На это обращает внимание писатель и литературовед Владислав Ходасевич: «Игорь Северянин не свалился с Луны, не вышел из морской пены, не родился из головы Зевса, как Паллада Афина. <...> Строго говоря, новшества ее коснулись пока одной только этимологии. Игорь Северянин, значительно расширяющий рамки обычного словообразования, никак еще не посягнул даже на синтаксис. Несколько синтаксических его «вольностей» сделаны, очевидно, невольно, так как являются просто-напросто варваризмами и провинциализмами, каковыми страдает и самое произношение поэта. Например, он говорит: бэздна, смэрть, сэрдце, любовь».

Корней Чуковский (тогда больше известный как литературный критик, а не детский писатель) писал о Северяnine: «Его стих, остроумный, кокетливо-пикантный, жеманный, жантильный, весь как бы пропитан... воздухом бара, журфикса, кабарэ, скетинг-ринга... все же, несмотря ни на что, стих его волнуяще-сладостен!.. Бог дал ему... певучую силу, которая, словно река, подхватывает тебя и несет... барахтайся сколько хочешь: богатый музыкально-лирический дар. У него словно не сердце, а флейта, словно не кровь, а шампанское! Сколько бы ему ни было лет, ему вечно будет восемнадцать».

Два течения русского футуризма (кубофутуризм и эгофутуризм) иногда враждовали между собой, иногда объединялись. С футуризмом Маяковского Северянина объединяло эпатирующее озорство, вызов обывательскому благоразумию, литературное хулиганство, разводило же их различное отношение к культуре прошлого. Если кубисты призывали сбрасывать всё старое с корабля современности, в том числе и классику, то эгисты провозглашали поиски нового без отвергания старого. «Не Лермонтова с парохода, а Бурлюков — на Сахалин!» - воскликнул однажды Северянин, чьей душе всегда были ближе классические розы, пусть и усеянные шипами иронии. Поэт гримасничал, паясничал, эпатировал, но Красотой! Каждая рифма – словно пощечина! Это звучало тоже как «пощечина общественному вкусу» и воспринималось как скандальный вызов всем общепринятым приличиям.

Игорь-Северянин. В петличке знак «Его».
Санкт-Петербург, 1911 (?) г.

*В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглушив;
Я улыбнулся натянуто, вспомнив сарказмно о порохе.
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.*

*Каждая строчка — пощечина. Голос мой — сплошь издевательство.
Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!*

*Блесткая аудитория, блеском ты зло отуманена!
Скрыт от тебя, недостойная, будущего горизонт!
Тусклые Ваши Сиятельства! Во времена Северянина
Следует знать, что за Пушкиным были и Блок, и Бальмонт.*

Игорь Северянин «В блестящей тьме»

Корней Чуковский не видел ни в Северянине, ни в его окружении новаторов и футуристов. При этом критик не отрицал сам талант Северянина: «Странно. Неужели и он футурист? Вот никогда не подумал бы. В чем же его футуризм? Может быть, в этих кексах и журфиксах? Или в русско-французском жаргоне? Но тогда ведь и мадам Курдюкова, которой уже скоро сто лет («Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей дан л'этранже» появились впервые в 1840 г.), такая же футуристка, как он. Однако мадам Курдюкова никогда не говорила о себе: «Я литературный Мессия... Моя интуитивная школа — вселенский эгофутуризм»; это говорил о себе господин Северянин. <...>

Издавайтесь над ним, хохочите, - вы скоро все поклонитесь ему, так уверяет он сам. «Новатор в глазах современников - клоун, в глазах же потомков - святой!» У него есть ученики и апостолы, есть даже, как увидим. Иуда, и в разных газетах и журналах, они возглашают о нем: «Отец Российской эгопоэзии. Ядро Отечественного футуризма! Ее Первосвященник, Верховный Жрец!»

Но Северянин как основатель нового литературного движения пробыл в этом кружке недолго. Уже в 1912 году он разочаровался в Академии Эгопоэзии и покинул ее, опубликовав свой «Эпилог» — эпилог эгофутуризма, не скрывая: «Я выполнил свою задачу...» Так что путь Игоря-Северянина, как эгофутуриста, был недолог: между «Прологом» и «Эпилогом» прошел всего один год. В своем известнейшем «Эпилоге» он описывает этот период:

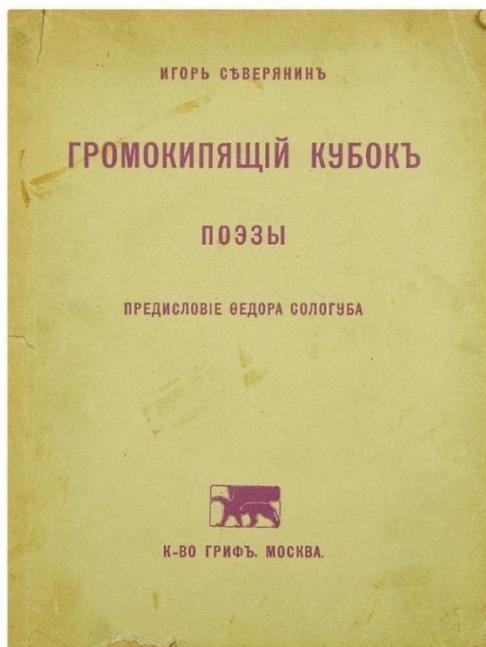
*Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкраен!
Я повсесердно утвержден!
От Баязета к Порт-Артуру
Чертую упорную провел.
Я покорил Литературу!
Взорил, гремящий, на престол!
Я — год назад — сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот — я есть!
Я зрил в Олимпове Иуду,
Но не его отверг, а — месть.
«Я одинок в своей задаче!» —
Прозренно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.
Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.
Она росла, в своем единстве
Самодержавна и горда, —
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...
От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече заноза, —
Зане болезнен беглых взлет.
Я их приветил: я умею
Приветить все, — божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змею!
Змея! обвей орла в ответ!..*

«Находя миссию моего Эго-Футиризма выполненной, я желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом, и этому я солнечно рад», – выразился Игорь Северянин в своем открытом письме.

Игорь Северянин обзавелся популярностью среди символистов и пустился в сольное плавание. В марте 1913 году писатель, запомнившийся современникам литературными брошюрками, издает свой первый полноценный сборник стихотворений под названием «Громокипящий кубок». Такое экстравагантное название цикла было придумано Северяниным благодаря классическому стихотворению Федора Тютчева «Весенняя гроза». Книга принесла талантливому поэту всеобщее признание и поистине «громокипящую» славу.

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК СЛАВЫ

Впоследствии – и в России, и в эмиграции – Северянин составит и выпустит еще около двадцати поэтических книг, но «Громокипящий кубок» (1913 г.) так и остался жемчужиной его поэтического наследия. Здесь произошло то слияние двух стихий, которые создали его неповторимый стиль, самим поэтом определенный формулой – «иронизирующее дитя».

Большую роль в подготовке суперпопулярного поэтического сборника и раскрутке Северянина сыграл мэтр символизма Федор Сологуб. Он представил его петербургскому литературному миру в своём салоне, а потом пригласил поэта в турне по России, где ещё больше упрочилась слава поэзоконцертов Игоря Северянина.

Всюду поэта сопровождал вечный праздник, почести триумфатора. Залы, где он читал, ломались от восторженной публики, портреты его некрасивого лица украшали будуары светских дам и комнатки курсисток. Женщины ходили за Северяниным толпами, ночевали под окнами. Когда он выступал в зале под Думской каланчой, останавливали уличное движение. В Керчи, в Симферополе, на Волге были случаи, когда его лошадей распрягали, и поклонники везли его на себе. Купчихи бросали к его ногам бриллиантовые браслеты, серьги, брошки. Северянин с упоением вспоминал в стихах это время:

*Иду, с каждым шагом рьяней
Верста к версте — к звену звено.
Кто я? Я — Игорь Северянин,
Чье имя смело, как вино!*

*И в горле спазмы упоенья.
И волоса на голове
Приходят в дивное движенье,
Как было некогда в Москве...*

*Там были церкви златолавы
И души хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла.*

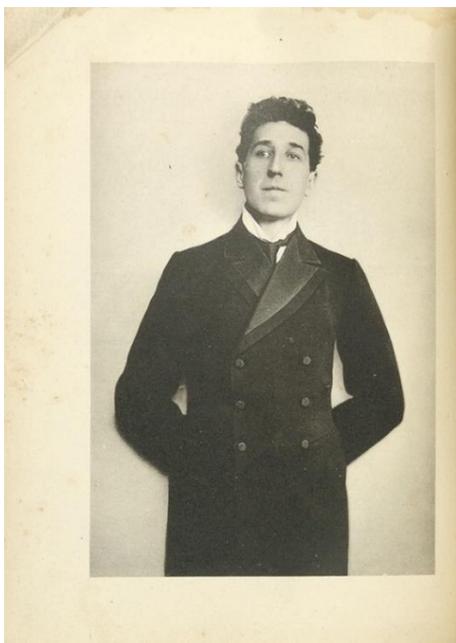
*Вспененная и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе себя читая,
Версту глотаю за верстой!*

Игорь Северянин «В пути»

Федор Сологуб снабдил «Громокипящий кубок» восторженным предисловием: «Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, легкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает

новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны. «Люблю грозу в начале мая!» Люблю стихи Игоря Северянина. Пусть мне говорят, что в них то или другое неверно с правилами пиитики, раздражает и дразнит, — что мне до этого! Стихи могут быть лучше или хуже, но самое значительное то, чтобы они мне понравились. Я люблю их за их легкое, улыбочливое, вдохновенное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах дерзающей, пламенной волею упоенной души поэта. Он хочет, он дерзает не потому, что он поставил себе литературную задачу хотеть и дерзать, а только потому он хочет и дерзает, что хочет и дерзает. Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его — воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня. Стихи его, такие капризные, легкие, сверкающие и звенящие, льются потому, что переполнен громокипящий кубок в легких руках нечаянно наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы смеющейся и щедрой. Засмотрелась на Зевесова орла, которого кормила, и льются из кубка вскипающие струи, и смеется резвая, беспечно слушая, как «весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». О, резвая! О, милая!».

Многочисленные рецензии на северянинский сборник переполняли восторги и комплементы литературных звезд того времени: «Настоящий, свежий, детский талант» (Александр Блок), «счастливое чудо» (Александр Измайлов), «культурное событие» (Николай Гумилёв).

Игорь Северянин.

Сборник приветливо встретил и Валерий Брюсов, без мнения которого не складывалась в то время ни одна литературная репутация: «Душа бывает взволнована, когда возникает поэт. Но после первого радостного волненья наступает время анализа. Нашедший клад сначала только пересыпает золото из руки в руку, но потом начинает считать его и определять ценность монет. Мореплаватель, открывший остров, после первой минуты горделивого

счастья, отправляется исследовать новую землю, выясняет, пригодна ли она для житья, богата ли растениями, животными, минералами, есть ли в ней удобные бухты. Подобно этому, «открыв» нового поэта, пережив радостное "волнение души", читатель невольно начинает относиться критически к новому знакомцу, старается определить его удельный вес. Хочется узнать, принадлежит ли новый поэт к числу редких "посланников Провидения", благословенных гостей мира, как Пушкин и Гете, или к числу второстепенных светил, как Фофанов и Верлен, или, наконец, к тем мимолетным огням, которые, как падающие звезды, порою озаряют на миг небосвод литературы.

А если бы случилось, что мы пожелали отказаться от анализа, если бы нам захотелось только перебирать монеты найденного клада, только любоваться новооткрытым островом, только радоваться на строфы нового поэта, — Игорь Северянин сам не позволил бы нам отдаться этому непосредственному чувству. Первая большая книга, изданная им (он сам именуется ее «первой» книгой, как бы отрекаясь от своих предыдущих изданий), «Громокипящий кубок», — книга истинной поэзии».

«В «Громокипящем кубке» отразилась история «мещанской драмы» поэта-грёзера, охваченного порывом нового весеннего чувства и молодости. Он живет мечтами и грёзами о прекрасной женщине. Разочарованный и обманутый в своих чувствах, герой попадает с берегов форелевой реки и северного «одебренного» леса на площадь. — отмечают современные исследователи творчества Игоря Северянина В. Терёхина и Н. Шубникова-Гусева. Затем возникает образ одинокого поэта — царственного паяца, который уходит с площади от толпы и рыдает за струнной изгородью лиры. Невольно ощущается ироничность слов «гения Игоря Северянина» об упоении своей победой и искренность намерения идти «в природу, как в обитель, / Петь свой осмеянный устав».

Главной причиной успеха книги «Громокипящий кубок» была ее своевременность и современность. И хотя многие современники отделяли Северянина от футуризма, но отдавали должное тому чувству времени, которое блестяще проявилось в «Громокипящем кубке». «Его поэзия, — заметил поэт и литературный критик Владислав Ходасевич, — необычайно современна — и не только потому, что в ней часто говорится об аэропланах, кокотках и т. п., — а потому, что его душа — душа сегодняшнего дня. Может быть, в ней отразились все пороки, изломы, уродства нашей городской жизни, нашей тридцатиэтажной культуры, «гнилой как рокфор», но в ней отразилось и небо, еще синеющее над нами».

Владислав Ходасевич строго взвешивал все недостатки и достоинства «Громокипящего кубка»: «Автомобили, ландолеты, лимузины, ликеры, кокотки, цилиндры, куртизанки, шоферы и грумы, — в напеве чуть-чуть опереточном несется перед нами «фешенебельный», «элегантный» и «деликатный» хоровод современности. И уже нам самим начинает нравиться эта легкая и, как кузов автомобиля, лакированная жизнь. Что, в самом деле? Шелестят колеса автомобиля, прыгает гравий, плывут сосны, плывет небо, уже все плывет перед нашими глазами, и мы уже не очень разбираемся, где мы и

что мы, где верх, где низ, мы «теряем все свои концы и начала» <...> На самом-то деле мы не очень надзвездны, не очень подземны и не очень бездонны, а просто нас укачал автомобиль и только что выпитый ликер, и у нас кружится голова. И в эту самую минуту, когда мы уже готовы признать фешенебельное прекрасным, а элегантно – высоким, сам Игорь Северянин вдруг останавливает наш комфортабельный лимузин и с брезгливым лицом объявляет: «Гнила культура, как рокфор». Вот этого никогда не сказал бы ни один футурист. Гнилости и ничтожности своей тридцатиэтажной американизированной культуры он никогда не только бы не признал, но и не понял бы сам. В то время как футуризм предлагает нам «толкнуть¹ [Так у В. Ходасевича] с парохода современности» все действительно ценное, высокое и значительное, чтобы оно не тормозило его «прогресса», – в поэзии Северянина живет глубокая и настоящая грусть по тому, что кажется ему заглушённым в шуме улицы и утраченным навсегда, грусть по настоящей, а не по «изысканной» культуре. «Захотелось белых лилий и сирени», – меланхолически признается он... Ах, плохой футурист Игорь Северянин!» («Русские ведомости», 29.IV.1914 г.).

Игорь Северянин.

Популярный критик Василий Иванов-Разумник в проницательной статье «Мороженое из сирени» (название раздела в «Громокипящем кубке») писал:

«Я нахожу среди книги «поэз» много выдержанных и ярких лирических отрывков, много «смелого» и «нового» – не только в плохом, но и в хорошем смысле; рядом много гимназического задора и вздора, много ломаний, сплошной «эксцесс в вирелэ», – но всюду талант, которому предстоит еще победить самого себя... До сих пор он только поэт площади, не воспевающий ее, но рожденный ею; здесь он выделяет свое «мороженое из сирени» ... Но было бы грустно, если бы он век остался кричать на площади, или разносить свое «мороженое из сирени» по петроградским дачам. Он подлинный лирический поэт, и широкий путь его лежит от «дачи» – к «природе», от

«площади» – в леса, в поля, туда, «где вдохновитель его исканий – говор хат» («Заветы», № 3, 1913)

В цитадели акмеизма, журнале «Аполлон» (1, 1914) Николай Гумилев делал следующий вывод: «Игорь Северянин – действительно поэт, и к тому же поэт новый. Что он поэт – доказывает богатство его ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои, и остро пережитые, темы. Нов он тем, что первый из всех поэтов он настоял на праве поэта быть искренним до вульгарности».

За первые два года книга «Громокипящий кубок» выдержала 7 изданий, всего за шесть лет, с 1913 до 1918 г., - 10. Такого поистине триумфального успеха до сих пор в России не имел ни один поэтический сборник. Стихи из этой книги особенно тепло приветствовали зрители поэзоконцертов Северянина.

КАК ВЫГЛЯДЕЛ ОРГАНИЗАТОР И ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПОЭЗОКОНЦЕРТОВ.

С именем Игоря Северянина связаны поэзоконцерты как особый жанр и прообраз эстрадной поэзии. Он — один из основоположников авторских читок перед многотысячным слушателем. До Северянина таких массовых выступлений не было. Он открыл новый жанр эстрадного искусства — авторское чтение стихов. Здесь была особая атмосфера театральности, использовались декорации и костюмы, продуманная режиссура: кроме чтения стихов их автором с декламацией выступали артисты. Открывали концерт критики или поэты с докладами о творчестве Северянина, например Владислав Ходасевич, Георгий Шенгели. Использовались рекламные приёмы вплоть до цветных листовок-«летучек» с текстами наиболее популярных стихов. Но главной фигурой поэзоконцерта безусловно был «шикарный денди-поэт», «инкогнито-принц», «лев сезона», как его называли газетчики.

Северянин не был гламурным красавцем: высокий, нескладный, с удлиненным лицом, которое Владимир Маяковский зло сравнил с «ликёрной рюмкой». Останавливали внимание и врезались в память особая примета — огромные, тяжелые, черные брови.

Современники вспоминали, как поэт появлялся на сцене в длинном узком сюртуке цвета вороного крыла. Держался он прямо, глядел в зал свысока, отрешенным взглядом пресыщенного сердцеда. Изредка Северянин потряхивал нависающими на лоб чёрными подвитыми кудряшками. В руке у него была лилия на длинном стебле или пышная орхидея в петлице. Всё это — и сюртук, и орхидея, и поза напоминали провинциальную карикатуру на Оскара Уайльда. Северянин считал, что он на него похож и всячески стремился подражать английскому писателю. Маяковский в одном из выступлений так охарактеризовал его: «Самый модный денди — вроде Оскара Уайльда из Сестрорецка». Однажды кто-то крикнул из зала: «Хватит корчить из себя Уайльда! Неужели Вы не понимаете, что ведёте себя глупо и неестественно?» «Да, неестественно!» - ответил Северянин и, вскинув голову, добавил: «Зато красиво!».

«Российский Оскар Уайльд» — Игорь Северянин.

Лениво помахивая лилией, раскачиваясь в такт словам, Северянин начинал нараспев, мертвенным голосом с подчёркнуто носовым, якобы французским произношением, читать, вернее, петь на вполне определённый мотив, напоминающий интонации псевдоцыганского, салонно-мещанского романса.

Конечно, публику привораживала шаманская подача текста, и подчеркнутое снобистское безразличие поэта, и самые зарифмовки, которым железная спорность сообщала гипнотическую силу: «пена — Шопена, паж — экипаж». Нужно отдать справедливость: с идейностью тут было небогато, но внешнего блеска — хоть отбавляй! Закончив чтение, последний раз хлопнув звонкой щеколдой опорной зарифмовки, Северянин удалялся все теми же аршинными шагами, не уделяя ни поклона, ни взгляда, ни улыбки публике, которая млела и от встречи с «настоящей», «чистой» поэзией.

Современники писали, что на одном выступлении публика расхохоталась в голос, услышав его «завывающий баритон» с носовым произношением. Некоторые люди смеялись так безудержно, что им приходилось покидать зал, чтобы отдышаться. Невозмутимого Северянина это необычное для поэтического вечера веселье не трогало.

Игорь Северянин

Безусловно, Игорь Северянин был личностью яркой, незаурядной, вызывающей интерес. Константин Паустовский, тогда еще не писатель, а кондуктор трамвая, обратил внимание на необычного пассажира:

«Однажды в дождливый темный день в мой вагон вошел на Екатерининской площади пассажир в черной шляпе, наглухо застегнутом пальто и коричневых лайковых перчатках. Длинное, выхоленное его лицо выражало каменное равнодушие к московской слякоти, трамвайным перебранкам, ко мне и ко всему на свете. Но он был очень учтив, этот человек, — получив билет, он даже приподнял шляпу и поблагодарил меня. Пассажиры тотчас онемели и с враждебным любопытством начали рассматривать этого странного человека. Когда он сошел у Красных ворот, весь вагон начал изощряться в насмешках над ним. Его обзывали "актером погорелого театра" и "фон-бароном". Меня тоже заинтересовал этот пассажир, его надменный и, вместе с тем, застенчивый взгляд, явное смещение в нем подчеркнутой изысканности с провинциальной напыщенностью».

Каково же было удивление Константина Георгиевича, когда он попал в Политехнический музей на поэзоконцерт и в странном пассажире он узнал Игоря Северянина. Вот как описывал Паустовский это удивительное зрелище:

«Каково же было мое удивление», как писали старомодные литераторы, когда на эстраду вышел мой пассажир в черном сюртуке, прислонился к стене и, опустив глаза, долго ждал, пока не затихнут восторженные выкрики и аплодисменты.

К его ногам бросали цветы - темные розы. Но он стоял все так же неподвижно и не поднял ни одного цветка. Потом он сделал шаг вперед, зал затих, и я услышал чуть картавое пение очень салонных и музыкальных стихов: «Шампанское - в лилию, в шампанское - лилию! Ее целомудрием святеет оно! Миньон с Эскамильо, Миньон с Эскамильо! Шампанское в лилии - святое вино!». В этом была своя магия, в этом пении стихов, где мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла. Язык существовал только как

музыка. Больше от него ничего не требовалось. Человеческая мысль превращалась в поблескивание стекляруса, шуршание надушенного шелка, в страусовые перья вееров и пену шампанского.

Было дико и странно слышать эти слова в те дни, когда уже грохотала Первая мировая война и тысячи русских крестьян лежали в залитых дождями окопах и отбивали сосредоточенным винтовочным огнем продвижение немецкой армии. А в это время бывший реалист из Череповца, Лотарев, он же "гений" Игорь Северянин, выпевал, грассируя, стихи о будуаре тоскующей Нелли».

ДЕНДИ НА ФОНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИЙ

Игорю Северянину выпало жить в эпоху страшных социальных переломов, общественных катастроф, войн и революций. Вместе с Германской войной политика вошла в соприкосновение и, более того, в противоречие с главным принципом Игоря-Северянина «Живи, живое!».

Игорь Северянин. Шарж Г. Адамовича из журнала «Рампа и жизнь». 1914 г.

Когда началась Первая мировая война, эстет и денди Игорь Северянин поначалу даже в это трагическое время пытался оставаться во власти своей гламурной и гедонистической программы. Его лозунг: «Война войной, а розы — розами». В стихотворении «Ещё не значит быть изменником» он защищает права обывателей, завсегдатаев Невского, на непричастность к военным событиям, на право жить своими личными интересами.

*Ещё не значит быть изменником —
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым ...*

*Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить к любимому в письмо...*

*Пройтись по Морской с шатенками,
Свивать венки из кризантэм,
По-прежнему пить сливки с пенками
И кушать за десертом крем —*

*Ещё не значит... Прочь уныние
И ядовитая хандра!
Война — войной. Но очи синие,
Синейте завтра, как вчера!*

*Война — войной. А розы — розами.
Стихи — стихами. Снами — сны.
Мы живы смехом! живы грёзами!
А если живы — мы сильны!*

*В желаньи жить — сердца́ упрочены ...
Живи, надейся и молчи ...
Когда ж настанет наша очередь,
Цветы мы сменим на мечи!*

Игорь Северянин «Ещё не значит быть изменником»

Северянину не хотел расставаться с удобствами и комфортом, к которым он привык. Друг-соперник Владимир Маяковский презрительно назвал его тогда «маркитанткой русской поэзии» (хотя, и сам Владимир Владимирович воевать категорически не желал). Северянин утверждал своё право быть вне политики, просто поэтом, «соловьем без тенденций»:

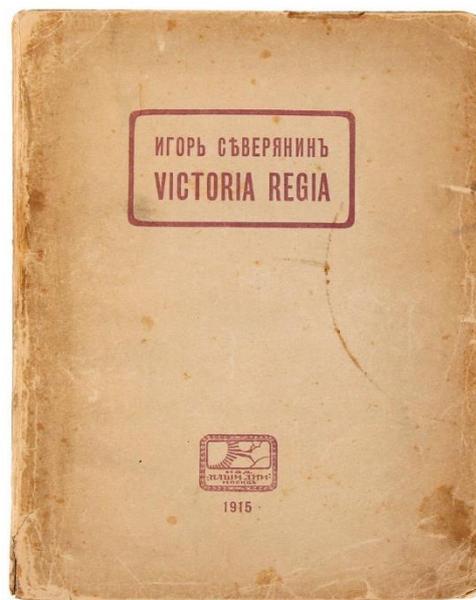
*Я — соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы,—
Поймут меня, певца весны.*

*Я — соловей, я — сероптичка,
Но песня радужна моя.
Есть у меня одна привычка:
Влечь всех в нездешние края.*

*Я — соловей! на что мне критик
Со всей небожностью своей?-
Ищи, свинья, услад в корыте,
А не в руладах из ветвей!*

*Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!*

Неожиданно проникшись господствовавшим в обществе патриотическим трендом, Игорь Северянин только рассмешил почтенную публику. Новый цикл военно-патриотических стихов составил половину раздела «Монументальные моменты» в сборнике «Victoria Regia» — это 13 стихотворений, написанных в период с июня по октябрь 1914 года. Напомним, что «Victoria Regia» - экзотическое громадное водяное растение семейства кувшинковых, с круглыми листьями до 2 м в диаметре; растёт в экваториальных частях Южной Америки; в Европе викторию регию культивируют в оранжереях. Таким же экзотическим и оранжерейным получился патриотизм Игоря Северянина.

Крайне негативные отзывы критики на *полу-патриотические* поэмы дважды вынудили Игоря-Северянина ответить на них. Верный своему правилу не отвечать на критику прозой, он написал два скандально прославившихся стихотворения. Первое осталось в истории благодаря осмеянной Маяковским строке «*Пройтись по Морской с шатенками*». Второе — «Мой ответ» вошло в историю благодаря заключительной строфе (я поведу вас на Берлин»). Ярko выраженный, лубочный, наивный восторг оказался явно не к месту:

*Ещё не значит быть сатириком —
Давать озлобленный совет
Прославленным поэтам-лирикам
Искать и воинских побед ...*

*Неразлучаемые с Музою
Ни под водою, ни в огне,
Боюсь, мы будем лишь обузою
Своим же братьям на войне.*

*Мы избалованы вниманием,
И наши ли, pardon, грехи,
Когда идут шестым изданием
Иных «ненужные» стихи?!*

*- Друзья! Но если день убийственный
падёт последний исполн,
тогда, ваш нежный, ваш единственный,
я поведу вас на Берлин!*

Игорь Северянин «Мой ответ»

Северянин в патриотическом порыве готов воевать (но желательно не покидая будуара!), размахивать оружием (но скорее рифмой, чем саблей!) и, разумеется, ПОБЕЖДАТЬ. Эдакий эффектный поэт-гусар:

*Мы победим! Не я вот лично —
в стихах великий — в битвах мал.
Но если надо — что ж, отлично, -
шампанского! Коня! Кинжал!
Великий в строфах — зауряден
По паспорту своей страны.
От девушек и виноградин
Поля кровавые видны.
Живой всегда над жизнью властен,
И выбор есть, и есть исход...
Какую же из двух напастей
Мне выбрать, милый мой народ?
Вот если б я был поэтесса! —
На Красный Крест сменил я меч...
Повторны времена Дантеса,
И глупо гениев беречь!..
Но издавна дружащий с риском,
Здесь я останусь невредим,
Тем более, что в очень близком
Мы несомненно победим.*

Игорь Северянин «Мы победим»

Северянина к счастью для него и Литературы долго не призывали в армию. Может быть, просто не могли найти? В ту пору (1914—1915 годы) поэт колесил с «поэзоконцертами» по всей стране, а в промежутках между гастролями удирал в глушь, в рыбацкий поселок Эст-Тойлу. Но в 1916 году Игоря Васильевича Лотарева все-таки призвали в армию. Никаких усилий,

чтобы избежать мобилизации, он не предпринимал, однако на фронт не попал. В строевой части, где новобранцам преподавали азы военного дела, его признали совершенно неспособным нести воинскую службу и быстро отпустили — не подходил ни по здоровью, ни по выправке.

Как вспоминает очевидец, Лотарев-Северянин был «посмешищем полка»: «Не поддавался никакой муштровке. Фельдфебель из сил выбивался. Никак не мог заставить его не поворачиваться налево при команде направо, до хрипоты орал на него, разбивавшего весь строй: «Эй, ты, деревня! Куда гнешь опять?..» В конце концов определили его в санитары на самую черную работу — по уборке и мытью полов».

Существуют немало свидетельств о том, что от военной службы Северянина освободил князь муж Зинаиды Юсуповой (русский генерал-лейтенант (1915), генерал-адъютант (1915), главный начальник Московского военного округа (5 мая — 19 июня 1915), главноначальствующий над г. Москвой (5 мая — 3 сентября 1915)) Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Его единственная дочь княгиня Ирина была поклонницей поэта, а князь имел обширные связи в армии через своего приятеля Великого князя Дмитрия Павловича. Освободить Игоря-Северянина от армии было несложно. Тем более, что у поэта действительно был порок сердца.

В конце концов Северянин за флером патриотического угара все-таки сумел разглядеть трагизм происходящего и опять углубился в личные переживания, заполняя дальше дневник своей души. Поэт выступил в роли обличителя времени. Происходящее напомнило ему атмосферу Рима эпохи упадка:

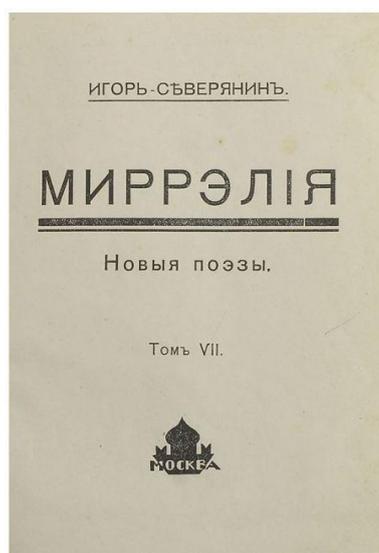
*К началу войны европейской
Изысканно тонкий разврат,
От спальни царей до лакейской
Достиг небывалых громад.
Как будто Содом и Гоморра
Воскресли, приняв новый вид:
Повальное пьянство. Лень. Ссора.
Зарезан. Повешен. Убит.
<...>
Народ, угнетаемый дрянью,
Безмозглой, бездарной, слепой.
Усвоил повадку баранью:
Стал глупый, упрямый, тупой.
А царь, алкоголик безвольный,
Уселся на троне втроем:
С царицею самодовольной
И родственным ей мужиком.
Был образ правленья беспутен,-
Угрозный пример для корон:
Бесчинствовал пьяный Распутин,
Усевшись с ногами на трон.*

*Упадочные модернисты
Писали ослиным хвостом
Пейзажи, и лишь букинисты
Имели Тургенева том.
Свирепствовали декаденты
В поэзии, точно чума,
Дарили такие моменты,
Что люди сбегали с ума.
Уродливым кактусом роза
Сменилась для моды. Коза
К любви призывалась. И поза
Назойливо лезла в глаза.
Но этого было все мало,
И сытый желудок хотел
Вакхического карнавала
Разнузданных в похоти тел.
И люди пустились в эксцессы,
Какие не снились скотам.
Изнервленные поэтессы
Кривлялись юродиво там.
Живые и сытые трупы,
Без помыслов и без идей,
Ушли в черепашие супы, -
О, люди без сути людей!
Им стало филе из лягушки
Дороже пшеницы и ржи,
А яды, наркозы и пушки –
Нужнее, чем лес и стрижи.
Как следствие чуши и вздора –
Неистово вверглись в войну.
Воскресли Содом и Гоморра,
Покаренные в старину.*

Игорь Северянин, из «Поэзы упадка»

Вновь интерес к политике пробудился у Игоря-Северянина на волне всеобщего эмоционального подъема февральской революции 1917 года. Он даже написал цикл стихов «Револьверы революции». Рукопись была оставлена устроителю поэтического состязания в Политехническом музее Федору Долидзе и благополучно сгинула.

Год спустя поэт восстановил по памяти почти весь цикл и включил его в сборник «Миррэлия». Северянин, создаёт грёзовую страну Миррелию (по имени любимой поэтессы Мирры Лохвицкой). Политические мотивы изрядно подпортил сказочное, романтическое настроение выдуманной им страны:

*Свобода! Свобода! Свобода!
Свобода везде и во всем!
Свобода на благо народа!
Да радуемся! Да живем!*

*Мы русские республиканцы, —
Отсталым народам пример!
Пусть флагов пылают румянцы!
Сверкает в руках револьвер!*

*Победа! Победа! Победа!
Над каждым в России царем!
Победа — расплата за деда!
Да радуемся, да живем!*

*Столетия царями теснимы,
Прозрели в предвешние дни:
Во имя России любимой
Царь свергнут — и вот мы одни!*

*Труд, равенство, мир и свобода,
И песня, и кисть со стихом —
Отныне для счастья народа!
Да радуемся! да живем!*

Игорь Северянин «Гимн российской республики».

К лету 1917 года настроение Игоря-Северянина резко переменилось. Перемена эта отчетливо видна в посвященной поэту Борису Верину «Поэзе строгой точности»:

*Искусство в загоне, — сознаемся в этом!
Искусство затмила война.*

*Что делать в разбойное время поэтам,
Поэтам, чья лира нежна?
Дни розни партийной для нас безотрадны, —
Дни мелких, ничтожных страстей...
Мы так неуместны, мы так невпопадны
Среди озверелых людей.
Мы так равнодушны к их жалким раздорам
И к их интересам мертвы.
Мы тянемся к рекам и к вольным просторам
И в шелковый шепот травы.
Мы искренне славим паденье престолов
Во имя свободы людской!
Но если и после царей вы в тяжелых
Раздорах, — мы машем рукой!
Союзник царизма для нас не союзник,
Как недруг царизма — не враг.
Свободный художник зачахнет, как узник,
Попав в политический мрак.
Нам пакостны ваши враждебные будни, —
Мы вечным искусством горим.
Вы заняты «делом», мы — только «трутни»,
Но званьем гордимся своим!
Отправьте ж искусство куда-нибудь к мифу,
Трещит от него материк!..
И кланяйтесь в пояс Голодному Тифу,
Диктатору ваших интриг!*

Революция октября 1917 года оборвала поэзию Северянина. Публике стало уже не до галантных сентенций и влюблённостей. Поэт не принял Октября, его жестокости и насилия, всеобщей разрухи. Он не стал себя утруждать выбором политической позиции. Хамство одинаково неприглядно для поэта независимо от политической ориентации.

*Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не матери! ах, не цветы!
Людшки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.*

*Сегодня пошлые и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра то ж,
Они, бывалые, пройдохи дошлые,
Вам спровоцируют любой мятеж.*

*Идеи вздорные, мечты напрасные,
что в их теориях — путь к Божеству?*

*Сегодня белые, а завтра красные, -
они бесцветные по существу.*

Игорь Северянин «Крашенные»

Поэт ненавидит политику, считая ее наваждением сатаны, а партийность называет источником всех бед. «Изысканность — это то, что мы потеряли навеки 19 июля 1914 года!.. Вернее: 25 октября 1917 года» - как истинный сноб заметил поэт. Северянин осуждал братоубийственную гражданскую войну, подобно Марине Цветаевой и Максимилиану Волошину, ставя ценность человеческой жизни выше политических интересов как белых, так и красных.

*Я ни с этим и ни с теми,
Одинаково в стороне,
Потому что такое время,
Когда не с кем быть вместе мне...
Люди жалки: они враждою
Им положенный полувек
Отравляют, и Бог с тобою,
Надоедливый человек!
Неужели завоеванья,
Изобретенья все твои,
Все открытья и все познанья —
Для изнедриванья Любви?
В лихорадке вооруженья
Тот, кто юн, как и тот, кто сед,
Ищет повода для сраженья
И соседу грозит сосед.
Просветительная наука,
Поощряющая войну,
Вырвет, думается, у внука
Фразу горькую не одну.
А холопское равнодушие
К победительному стиху,
Увлеченье махровой чушью,
И моление на чепуху?
Мечтоморчатые поганки,
Шепелявые сосуны, —
В скобку стрижены мальчуганки
И стреножены плясуны.
Ложный свет увлекает в темень.
Муза распята на кресте.
Я ни с этими и ни с теми,
Потому что как эти — те!*

Северянин «Те, кто морит мечту».

В конце рокового 1917 года в произведениях Северянина внезапно возникает очень искренняя и лиричная тема России. С этого момента о ней — непрерывный, неостановимый, захлёбывающийся поэтический монолог.

*На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала, -
Как любовь, как солнце, как весна.*

*И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слёз,
Божьей волей воскресала снова, -
Как весна, как солнце, как Христос!*

Игорь Северянин «Предвоскресенье».

В середине марта 1918 года поэту удалось вернуться в патриархальную мирную Тойла. В мае парадоксальный и совсем не разбирающийся в политике Игорь-Северянин пишет сразу несколько *политических* стихотворений: «Александр IV», «Самарский адвокат» и «По справедливости», Два первых — жесткая, язвительная критика Александра Федоровича Керенского:

*Что думал «Александр Четвертый»,
Приехав в гатчинский дворец,
Обозревая пол, протертый
Людьми без мозга и сердец?
Аллеей векового сада
Бродя, он понял ли афронт,
Что шел к нему из Петрограда?
Ужель надеялся на фронт?
Как он, чей путь был сладко-колок,
Свой переоценил завет!
Какой же он плохой психолог
И жалкий государствовед!
Как символичен «милосердья
Сестры» костюм, который спас
Его: не то же ли в нетвердые
И сердобольностей запас?
Да, он поэт! да, он фанатик!
Идеалист style de cadence!
Паяц трагичный на канате.
Но идеальность — не баланс...*

Игорь Северянин «Александр IV»

«По справедливости» Игоря Северянина — это едва ли не первое упоминание в стихах профессионального революционера (германского шпиона) Ульянова-Ленина. Миротлюбивый поэт славит Владимира Ильича как миротворца, человека, настоявшего на Брестском мире:

*Его бесспорная заслуга
Есть окончание войны.*

*Его приветствовать, как друга
Людей, вы искренне должны.
Я — вне политики, и, право,
Мне все равно, кто б ни был он.
Да будет честь ему и слава,
Что мир им, первым, заключен!
Когда людская жизнь в загоне,
И вдруг — ее апологет,
Не все ль равно мне — как: в вагоне
Запломбированном иль нет?..
Не только из вагона — прямо
Пусть из бездны бы возник!
Твержу настойчиво-упрямо:
Он, в смысле мира, мой двойник.*

Игорь Северянин «По справедливости»

Тут можно только вместе с самим Игорем Северяниным вздохнуть: «какой же он плохой психолог и жалкий государствовед»!

Что же делать в этих кровавых декорациях соловью, который привык обитать «нигде»? «Что делать в разбойное время поэту, поэту, чья лира нежна? Куда податься?» - «мы так неуместны, мы так невольны среди озверелых людей». Как всегда, в ситуации всеобщей кровавой бойни разрухи Игорь Северянин находит парадоксальный выход: в разгар краха империи и монархии побороться за звание «короля поэтов»! Этот странный для революционного времени поэтический баттл устроил московский Политехнический музей.

КОРОЛЬ ПОЭТОВ. МАЯКОВСКИЙ VS СЕВЕРЯНИН: ПОЭТИЧЕСКИЙ БАТТЛ 1918 ГОДА

Большая аудитория Политехнического музея в первые послереволюционные годы стала самой популярной трибуной современной литературы. Здесь была заложена примечательная традиция устраивать вечера поэзии (так гармонично объединялись пространства Физики и Лирики). Рассказывая о них, все современники говорят о переполненном зале (как утверждали бойкие репортеры тех времен, «не просто яблоку, а семечку яблока было негде упасть»), о толпе жаждущих попасть на вечер, о регулирующих порядок милиционерах, о царившей в зале атмосфере заинтересованности. Политехнический музей продвигал новую, креативную поэзию, и приобщал к ней самые широкие читательские круги.

В стенах политехнического устраивались персональные вечера тогдашних литературных звезд, например, Владимира Маяковского, Александра Блока, Сергея Есенина. Проводились и выступления групп, объединенных едиными творческими принципами поэтов — футуристов,

имажинистов и других. Но особенное внимание привлекали коллективные вечера, на которых выступали поэты различных школ и направлений.

Политехнический музей.

«Избрание короля поэтов» открыло собой длинную серию поэтических вечеров в Большой аудитории Политехнического музея, на которых поэты и публика вступали в прямой диалог, творческую коммуникацию. Приговоры, поддержка, одобрение или неприятие — выносились тут же, с быстротой революционного времени. Может быть, никогда еще поэты не стояли так близко к своему читателю и не ощущали его так отчетливо.

Игорь-Северянин попал на выборы «короля поэтов» почти случайно, «проездом». Он ненадолго заехал в Москву из уже становящейся родной эстонской Тойла.

О «состязании поэтов», которое решил устроить известный организатор литературных мероприятий и антрепренер Федор Долидзе, Северянин узнал из афиш, расклеенных по Москве: «Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Всех поэтов, желающих принять участие на великом, грандиозном празднике поэтов, просят записываться в кассе Политехнического музея до 12 (25)

февраля. Стихотворения не явившихся поэтов будут прочитаны артистами. Желающих из публики прочесть стихотворения любимых поэтов просят записаться в кассе Политехнического музея до 11 (24) февраля. Результаты выборов будут объявлены немедленно в аудитории и всенародно на улицах».

Зал Политехнического музея переполнила публика. Избрание «короля поэтов» происходило под председательством авторитетного литературного критика Петра Семёновича Когана. Несмотря на монархический титул, звание присуждалось в ходе вполне демократической процедуры - «всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием». Присутствующим были розданы листки бумаги для письменной подачи голоса в пользу того или иного кандидата.

Следует отметить, что многие литературные звезды тех лет – адепты символизма Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов участвовать в вечере отказались. Фаворитами зала стали футуристы. Их шумно приветствовала молодежь. Известные и никому неведомые поэты сменяли друг друга на эстраде.

Вечер был разделен на два отделения. В первом читались стихи отсутствующих литературных корифеев — Ивана Бунина, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Анны Ахматовой и Александра Блока. Затем слово предоставили конкурсантам - Константину Бальмонту, Игорю Северянину, Давиду Бурлюку и Владимиру Маяковскому.

Наконец определились два фаворита – Северянин и Маяковский. Очевидцы вспоминают: абсолютно непохожие.

Маяковский декламировал стихи ярко, громогласно, словно Зевс. Он выступал с отрывками из «Облака» и со стихотворением «Наш Марш». В зале началась перепалка, Маяковский выкрикивал бранные высказывания публике, пытаясь доказать, что «истинная поэзия обязана служить делу пролетарской революции. Есенинские «березки» хоть и хороши, но с ними на белых бандитов не пойдешь. С изящными изделиями Северянина тоже в бой не сунешься. Поэт Сергей Спасский вспоминал: «Он заставил себя слушать, перекрыв разговоры и шум. Чем больше было народа, тем он свободней читал, тем полнее был сам захвачен и увлечен. Он швырял слова до верхних рядов, торопясь уложиться в отпущенный ему срок». Слушатели были в восторге от выступления Маяковского, неважно как это выражалось — одобрительным аплодисментами или свистом протеста.

Игорь Северянин вещал плавно, певуче, словно Дионис среди лесных демонов и танцующих вакханок. Он явился взорам публики в черном длиннополом сюртуке (плаще), немного надменный, слегка отрешенный, с налетом модной аристократической бледности на лице. В руках поэт держал свою традиционную алую розу. Он полу-пел, полу-танцевал (слегка раскачивался) и исполнил стихи из популярного книги «Громокипящий кубок». Слушали его в полном молчании, покоренные, заворожённые энергией ритмов и мелодикой строф. Поэт Сергей Спасский вспоминал: «Он заставил себя слушать, перекрыв разговоры и шум. Чем больше было народа, тем он свободней читал, тем полнее был сам захвачен и увлечен. Он швырял

слова до верхних рядов, торопясь уложиться в отпущенный ему срок». Когда Северянин кончил чтение, зал разразился аплодисментами и криками восторга.

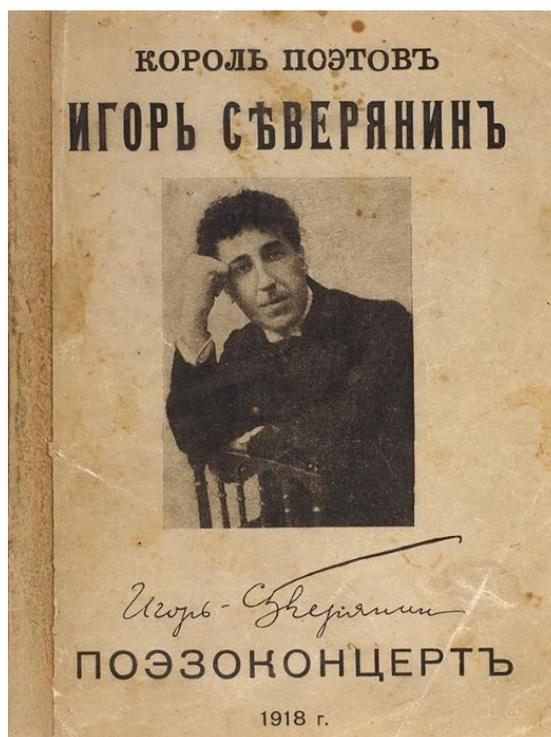
После второго отделения и антракта начался подсчет голосов. Маяковский выбежал на эстраду и возвращался в артистическую, посверкивая глазами. Не придавая особого значения результату, он все же увлекся игрой. Сказывался его всегдашний азарт, страсть ко всякого рода состязаниям.

Северянин собрал голосов-записок немного больше, чем Маяковский. Часть публики устроила скандал. Футуристы объявили выборы недействительными. Писатель Лев Никулин свидетельствовал: «После выборов Маяковский довольно едко подшучивал над его «поэтическим величием», однако мне показалось, что успех Северянина был ему неприятен. Я сказал ему, что состав публики был особый, и на эту публику гипнотически действовала манера чтения Северянина, у этой публики он имел бы успех при всех обстоятельствах».

Бытовала и версия, что поклонники Маяковского специально отдавали голоса Северянину, так как революционному поэту негоже быть каким-то королем. Сам Владимир Маяковский остро переживал свое поражение, придумывая даже несуществующие приписки.

Свидетельства современников крайне противоречивы, но все они сходятся в одном: избрание «Короля» сопровождалось шутивным увенчанием мантией и венком. Однако известно, что сам Северянин отнесся к этому очень серьезно. На самом деле он всю жизнь гордился этим титулом, завоеванным в соревновании с достойными соперниками.

В марте того же 1918 года вышел в свет альманах «Поэзоконцерт». Его обложку украшал портрет Игоря Северянина с указанием его нового пышного титула.

*Еще семь дней, и год минует, —
Срок «царствования» моего.
Кого тогда страна взыскует:
Другого или никого?
Где состоится перевыбор
Поэтов русских короля?
Какое скажет мне спасибо
Родная русская земля?
И состоится ли? — едва ли:
Не до того моей стране, —
Она в мучительном развале
И в агоническом огне.
Да и страна ль меня избрала
Великой волею своей
От Ямбурга и до Урала?
Нет, только кучка москвичей.
А потому я за неделю
До истечения срока сам
Все злые цели обещелю,
Вернув «корону» москвичам.
Я отрекаюсь от порфиры
И, вдохновляем февралем,
За струнной изгородью лиры,
Провозглашаюсь королем.*

Игорь Северянин «Самопровозглашение»

А футуристы устроили вечер под актуальным революционным лозунгом «долой всяких королей!».

Напоследок, 8 марта 1918 года, состоялся вечер «Короля поэтов Игоря Северянина» в Политехническом музее — последний из двадцати трех поэзовечеров, проведенных им в Москве в 1915—1918 годах. Там и прозвучал впервые «Рескрипт короля»:

*Отныне плащ мой фиолетов,
Берэта бархат в серебре:
Я избран Королём поэтов
На зависть нудной мошкаре.*

*Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.*

*Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам.*

*Я так велик и так уверен
В себе, настолько убеждён —
Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.*

*В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран Королём поэтов —
Да будет подданным светло!*

Игорь Северянин «Рескрипт короля»

Почему же почти старорежимному, жеманному, уже почти старомодному Северянину удалось обойти остро-современного, революционного Маяковского? На первый взгляд это кажется парадоксальным. На самом деле объяснение достаточно простое если принять во внимание слова самого Северянина о том, что он легко и ловко «окудесил» свою публику. В 1918 году она еще оставалась приворожённой загнипнотизированной. Несмотря на бурное революционное время Северянин пока оставался если не первым, то среди первых поэтов.

После своей блистательной победы в поэтическом состязании Игорь Северянин вернется в свою эстонскую деревню Тойла. В 1918 году он перевез туда больную мать, спасая её из голодного Петрограда. Насмешка судьбы или тайный знак: получить вожделенное звание короля и навсегда уехать из России? Как это не печально, поэт никогда не сможет вернуться на Родину.

ЭМИГРАНТ ПОНЕВОЛЕ

Почему Северянин вдруг оказался в Эстонии и там закончил свои земные дни? Связи семьи Лотаревых с эстонским краем были давние: здесь учился отец поэта, его братья. Впервые Северянин посетил эти места (поселок Тойла) в 1912 году, затем часто отдыхал там в летние месяцы, снимая дачу.

Внезапная оккупация немцами Эстонии (в марте 1918 года), а затем образование самостоятельной республики (1920) отрезали поэта от России. Он стал эмигрантом поневоле. Северянин считал все это временными трудностями, но прожил в результате в Эстонии 24 года. Примечательно, что Игорь Владимирович не считал себя эмигрантом, а именовал себя дачником с 1918 года.

Дом в Тойле, где жил Игорь Северянин.
Рисунок. 1927 г. Эстонский литературный музей.

Среда, в которую попал Северянин, была далека от литературной петербургской богемы. Это были простые люди — рыбаки, плотники, для которых он был не знаменитый поэт, а барин, дворянин, сын офицера. За это его ценили и кормили в семье, где он, по сути, был нахлебником. Кроме того, в Эстонии к нему относились уважительно и радушно как старожилу этих мест. Однако королю поэтов не хватало прежних аншлагов, модного общения с восторженным залом, тешившим тщеславие.

Игорь Северянин

Оставшись без Родины, король поэтов быстро утрачивает былую славу. Его всё реже печатают, тощие сборники выходят мизерными тиражами. Северянин изредка выступает на вечерах, занимается переводами, но это не давало достаточного заработка. В вечном поиске средств к существованию ему было уже не до пажей и будуаров. Чтобы свести концы с концами Игорь Владимирович сам продавал свои сборники. Он стучался в гостиничные номера, где останавливались соотечественники - «не купите ли книжку Игоря Северянина с автографом?».

Днём поэт ловил рыбу. Северянину приходилось ходить по дворам дач и предлагать хозяйкам свежий улов — полтора десятка окуньков.

Игорь Северянин.

Ночью Северянин садился в лодку и выезжал на середину реки. И там, где его никто не слышал, он читал свои стихи звёздам, камышам и водяным лилиям.

*Стала жизнь совсем на смерть похожа:
Все тщета, все тусклость, все обман.
Я спускаюсь к лодке, зябко ёжась,
Чтобы кануть вместе с ней в туман...*

*Я постиг тщету за эти годы.
Что осталось, знать желаешь ты?
Поплавок, готовый кануть в воду,
и стихи — в бездонность пустоты...*

*Кому-то что-то о поэте
споют весною соловьи.
Чего-то нет на этом свете,
что мне сказало бы: живи!..*

Игорь Северянин «В забытьи».

Северянину приходилось выступать в ресторанах с чтением своих поэм. Но это была не та восторженная публика, к которой он привык в Петербурге. Люди приходили сюда развлечься и отвлечься от повседневных забот. В стихотворении «Их образ жизни» поэт с раздражением писал:

*Чем эти самые живут,
Что вот на паре ног проходят?
Пьют и едят, едят и пьют —
И в этом жизни смысл находят...
Надуть, нажиться, обокрасть,
Растлить, унижить, сделать больно...
Какая ж им иная страсть?
Ведь им и этого довольно!
И эти-то, на паре ног,
Так называемые люди
«Живут себе» ... И имя Блок
Для них, погрязших в мерзком блюде, -
Бессмысленный, нелепый слог...*

Игорь Северянин «Их образ жизни».

Северянин безуспешно обивал пороги редакций, пытаясь хоть что-то напечатать. Увы! Нет ни работы, ни средств к жизни, ни здоровья. Терзают долги и тяжелые мысли в бессонные ночи. В эти дни он пишет «Поэму отчаянья»:

*Я ничего не знаю, я ни во что не верю,
Больше не вижу в жизни светлых ее
сторон.
Я подхожу сторожко к ближнему, точно
к зверю.
Мне ничего не нужно. Скучно. Я утомлен.*

*Кто-то кого-то режет, кто-то кого-то душил.
Всюду одна нажива, жульничество и ложь.
Ах, не смотрели б очи! ах, не слышали б уши!
Лермонтов! ты ль не прав был: «Чем этот мир хорош?».*

*Мысль, даже мысль продажна. Даже любовь корыстна.
Нет воплотимой грезы. Все мишура, все прах.
В жизни не вижу счастья, в жизни не вижу смысла.
Я ощущаю ужас. Я постигаю страх.*

Игорь Северянин «Поэза отчаянья».

Игорь Северянин

В 20-е годы в Тойла Северянин стал самим собой — истинным северянином. На место кринолинов и грезерок в его поэзию вошла его родная Россия. На первый план вновь выходил тот самый природный, лиричный русский патриотизм, которым он был одарен с детства и который никуда не уходил, оставаясь в глубине его души даже в самые «ананасные» времена. Он пишет уже, главным образом, для себя. Стихи его становятся естественнее, проще, лиричнее. В них звучат грустные ноты тоски по России, по утраченной Родине.

*От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...
Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!*

*И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.*

Игорь Северянин «Без нас».

В Тойла Игорь Северянин снимал дом у местного плотника Михкеля Круута. Однажды он оказался на одном из вечеров пожарной команды. Поэт внимательно слушал, как гимназисты читают стихи, отрывки из прозаических произведений. Северянин заметил девушку, проникновенно читавшую Фридсберта Тугласа, потом отрывки из Гоголя. Это была дочь его арендодателя, юная, очень серьезная и скромная Фелисса. После концерта Игорь Владимирович подошел к ней, поздравил с успехом. Через несколько дней их все чаще стали встречать вместе.

Фелисса была изящной блондинка в стиле Ибсена, тонкая, стройная. Она писала стихи на русском и эстонском. Северянин был покорён. Он давно мечтал о такой.

*Если вы встретите женщину тихую,
Точно идущую в шорохах сна,
С сердцем простым и с душою великою,
Знайте, что это - она!
Если вы встретите женщину чудную,
Женщину, чуткую, точно струна,
Чисто живущую жизнь свою трудную,
Знайте, что это - она!
Если увидите вы под запискою
Имя прекрасней, чем жизнь и весна,
Знайте, что женщина эта - мне близкая,
Знайте, что это — она!*

Игорь Северянин «Это - она».

Игорь Северянин с Фелиссой Круут.

Когда осенью 1921 года матушка поэта скончалась, страдая от одиночества, даже не отметив «сороковин», Игорь Васильевич в Тарту обвенчался с Фелиссой Круут. Ради него девушка перешла в православие. Вскоре родился сын. Его назвали на античный манер - Вакх.

Фелисса Круут разительно отличалась от всех бывших, да и будущих женщин поэта. В ней не было никакого изящества, но и никакого лукавства. В прямой и очень серьёзной эстонке - «королевочке» не было ни обаяния, ни ликующей свежести. Зато хватало практичного ума, твёрдости характера, а главное – врожденной верности, сочетавшейся с ревностью. Такой выносливой и надёжной спутницы жизни у поэта больше не будет.

*Ты совсем не похожа на женщин других:
У тебя в меру длинные платья,
У тебя выразительный, сдержанный смех
И выскальзыванье из объятий.*

*Ты не красишь лица, не сгущаешь бровей
И волос не стрижешь в жертву моде.
Для тебя есть Смирнов, но и есть соловей,
Кто его заменяет в природе.*

*Ты способна и в сахаре выискать «соль»,
Фразу — в только намекнутом слове ...
Ты в Ахматовой ценишь бессменную боль,
Стилистический шарм в Гумилеве.*

*Для тебя, для гурманки стиха, острота
Сологубовского триолета,
И, что Блока не поцеловала в уста,
Ты шестое печалишься лето.*

*А в глазах оздоравливающих твоих —
Ветер с моря и поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне и стала женою.*

Игорь Северянин «Отличной от других».

Северянин посвятил Фелиссе около двухсот стихотворений, в том числе «Поэзу голубого вечера» и «Поэзу счастья».

Игорь Северянин с Фелиссой Круут.

В 16-летнем браке Фелисса буквально берегла, хранила покой русского поэта, решала бытовые проблемы, была ему помощницей и в общении с коллегами – эстонскими литераторами.

*Моя жена всех женщин мне дороже
Величественною своей душой.
Всю мощь, всю власть изведать ей дай Боже
Моей любви воистину большой!
Дороже всех — и чувства вновь крылаты,
И на устах опять счастливый смех...
Дороже всех: дороже первой Златы!
Моя жена душе дороже всех!
Моя жена мудрей всех философий, —
Завидная ей участь суждена,
И облегчить мне муки на Голгофе
Придёт в тоске одна моя жена!*

Игорь Северянин «Дороже всех».

Чтобы как-то поправить материальное положение, с 1922 по 1934 год Северянин вместе с Фелиссой, взявшей себе псевдоним Ариадна Изумрудная совершает ряд гастрольных поездок за границу. Он побывал в Варшаве, Софии, Белграде, Берлине, Париже. И везде его публичные выступления пользовались неизменным успехом.

Игорь-Северянин, Фелисса Лотарёва.

Одна из гранд-дам серебряного века Надежда Тэффи так писала о выступлении Игоря Владимировича в Париже 12 февраля 1931 года: «Это был удивительный вечер! Чудесный! И чудо его было в том, что пришли люди, собрались в зале, сколько он вместить мог, на эстраде стоял оэт. Поэт говорил о нежной любви, о рыбацкой лодке, о девушке с русой косой, об окунях и форелях. Публика пришла послушать вычурные поэмы о ликёрах, шелках и принцессах, потому что поэт — Игорь Северянин, и первые строфы его новых стихов как-то удивили. Потом перестали удивляться и ушли вслед за ним к далёкому морю, к тихой, бедной и ласковой жизни. В антракте говорили: — А ведь он гораздо лучше прежнего! — Потому что он прост. — Потому что он нежен. — Потому что он глубок. Были взволнованные лица и омытые ясной мечтой глаза...».

Игорь Северянин, фото Е. Финка, октябрь, 1930 г.

Учитель, издатель газеты и поэт, близко знавший Северянина, Арсений Формаков пишет: «Сначала, как новинка, его поэзовечера в Прибалтике и Польше имели некоторый успех. Потом он стал выступать в рижских кинотеатрах, в дивертисментах между сеансами, что тогда было в моде. Старался «сохранить лицо», требовал, чтобы вместе с ним не выступали фокусники или развязные певички. Вскоре, однако, отпала и эта возможность заработка».

Северянину все чаще приходила мысль (а скорее – мечта) вернуться в Россию. Но против этого шага резко выступила Фелисса. Она наотрез отказалась ехать, боясь, что русские экспансивные женщины отнимут у неё Северянина. Кроме того, её там заставят работать, а она хочет быть праздной.

В марте 1935 году он расстаётся с Фелиссой Круут и навсегда покидает Тойлу. Здесь от Северянина остался дом, где сейчас работает музей. Рядом с ним установлен памятный камень, на нем по-эстонски и по-русски выбито: «Здесь жил и работал в 1918—1936 русский поэт Игорь Северянин 1887—1941».

Дом, где жил Игорь-Северянин в Тойла с 1918 по 1936 год.

Памятный камень около дома, где жил Игорь-Северянин в Тойла

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СТАЛИНСКИЙ ГРЕЗОФАРС

Поводом для расставания с Фелиссой послужила измена Северянина супруге с учительницей Верой Коренди (Запольской).

Жизнь с Верой Борисовной была кочевая, в основном по дальним деревням Эстонии — Пюхайыги, Саркюля, Пайде, Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарва). Иногда они останавливались и в Таллине. Работы никакой, жили почти на подаяние. Это, возможно, самый ужасный период жизни, когда из питания был только рыбный улов. Ни дорог, ни света, ни водопровода. Полная нищета и безнадега.

Вера Борисовна Коренди (Запольская)

Северянин так и не смог полюбить Веру — красивую, образованную, намного моложе его. Северянин мучился рядом с той, кто стала виновницей его разлуки с женой. Он писал бывшей жене, развода с которой так и не оформил. Игорь Владимирович жалел о своём уходе от Фелиссы и называл его «трагической ошибкой». Он попытался и вернулся к супруге. Но она гордо указала ему на дверь. Фелисса простила лишь наполовину - позволила только содержать себя и сына.

Игорь Владимирович вымещал на Vere зло, если она позволяла себе что-то требовать или просила, чтоб он отказался от писем жене, от помощи ей и встреч. Северянин прожил с Верой до конца своих дней, но любовь к Фелиссе жила в нем всегда. В 1941, в год его кончины появились его стихи:

*Нас двадцать лет связуют — жизни треть,
Но ты мне дорога совсем особо.
Мне при тебе мешает умереть:
Твоя — пускай и праведная — злоба.*

*Хотя ты о любви не говоришь,
Твое молчанье боле, чем любовно.
Белград, Берлин, София и Париж —
Все это только наше безусловно.*

*Всегда был благосклонен небосклон
К нам в пору ту, когда мы были вместе:
Пусть в Сербии нас в бездну влек вагон,
Пусть сотрясала почва в Бухаресте,*

*Пусть угрожала, в ход пустив шантаж,
Убийством истеричка в Кишиневе, —
Всегда светло заканчивался наш
Нелегкий путь, и счастье было внове.*

*Неизвиняемо я виноват
Перед тобой, талантом налитая.
Твоих стихов отчетлив аромат,
По временам из дали налетая.*

*Тебя я знал, отвергнувшую ложь,
В веселом веишем платьице подростка.
Тобой при мне, тобою гордым сплошь,
Ах, не одна уловлена лососка!*

*А как молитвенно ты любишь стих
С предельной — предусмотренной! — красою.
Твой вкус сверкает на стихах моих —
Лет при тебе — живящею росой.*

*Тебе природа оказала честь:
Своя ты в ней! Глазами олазоря
Сталь Балтики, как любишь ты присесть
На берегу, мечтаючи, дочь моря!*

*С улыбкой умягченной, но стальной
Презрела о поэте пересуды,
Простив ему заране в остальной —
Уже недолгой! - жизни все причуды...*

*Одна мечта: вернуться бы к тебе,
О, невознаградимая утрата!
В богоспасаемой моей судьбе
Ты героиня Гёте, ты - Сперата.*

Игорь Северянин «Нелегкий путь».

Проживая в жутчайших условиях, в сараюшках, хилых домиках в эстонских глухих селениях, спасаясь от голода ловлей рыбы, он только и мог, что мечтать о покинутой России. Он писал в своей одинокой глуши:

*Десять лет — грустных лет! — как заброшен в приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет — страшных лет! — удушающего равнодушья
Белой, красной — и розовой! — русских общественных групп.
Десять лет — тяжелых лет! — обескрыливающих лишений,
Унижений щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет — грозных лет! — сатирических строк по мишени
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.
Десять лет — странных лет! — отречения от многих привычек,
На теперешний взгляд, — мудро-трезвый, — ненужно дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озер, перелесков и птичек
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!
Но зато столько ж лет, лет невинных, как яблоней белых
Неземные цветы, вырастающие на земле,
И стихов из души, как природа свободных и смелых,
И прощенья в глазах, что в слезах, и — любви на челе!*

Игорь Северянин «Десять лет».

Камень с мемориальной табличкой в Усть-Нарве, где жил Игорь-Северянин.

Где-то года с 1936-го Северянин почти полностью перестал писать стихи: незачем, никто не печатал, да и напечатанные никто не покупал. В январе 1940 года в рижской газете «Сегодня» критик и публицист Петр Пильский помещает обширную статью «Игорь Северянин. 35-летие творческой деятельности». где пишет: «На вопросы, почему он перестал писать, ответ был краток: «Не для кого. Читатель стихов вымер». В таллинской газете «Вести дня» от 2 февраля 1940 года было опубликовано любопытное и странное своеобразное само-интервью: «Игорь-Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своем 35-летнем юбилее». В нем поэт с горечью признавался: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я пишу стихи, не записывая их, и почти всегда забываю». Беседа завершается

горькими словами: «Вы изволили заметить, что больше почти не пишете стихов. На какие же средства вы существуете? — На средства Святого духа, — бесстрастно произнес Игорь Северянин».

К 1940 году здоровье Игоря Северянина резко ухудшилось, но денег не было ни на врача, ни на лечение, ни на саму жизнь. И потому без всяких политических причин, без лакейства и трусости он искренне, с огромной надеждой, как никто другой, был рад присоединению Эстонии к Советскому Союзу. Он писал своему другу, поэту и филологу Георгию Шенгели: «Я очень рад, что мы с Вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твердо. И я рад, что это произошло при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенес воспаление левого легкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы. Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог им быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдете много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы».

Мало зная о реальной жизни в Советском Союзе, Северянин поэтизирует его так же, как раньше поэтизировал своих принцесс из замков. Эти вольные литературно-поэтические фантазии можно назвать «Сталинский грезофарс». Вот одно из стихотворений, называющееся «В наш праздник»:

*Взвивается красное знамя
Душою свободных времен.
Ведь все, во что верилось нами,
Свершилось, как сбывшийся сон.
Мы слышим в восторженном гуле
Трех новых взволнованных стран:
— Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.
Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин — преемник его!*

Для нищего поэта возвращение советской власти в Эстонию представлялось спасением. Им вдруг заинтересовались известные советские писатели и чиновники и журналисты. Вряд ли случайно, не получив задания «сверху», его в Усть-Нарве посетили два спецкора (Лидов и Темин) из «Правды» и «Известий», двух центральных советских газет. Значит, интересовала судьба известного русского поэта и советских идеологов.

Незадолго до того поэта посетил в его деревне оказавшийся там вместе с Красной армией писатель Павел Лукницкий.

В официальной советской прессе стихи Игоря Северянина появляются в марте 1941 года — в мартовском номере журнала «Красная новь». Это всё тот же «Привет Союзу!», правда, с купюрами четырех строк, и «Стихи о реках» («Россонь — река совсем особая ...»).

В мае 1941 года имя Игоря Северянина появляется на страницах популярного журнала «Огонек». Его стихотворение помещено в рамке, в центре страницы, на которой напечатаны три рассказа почти старорежимного классика Викентия Вересаева. В той же рамке, под стихотворением Северянина «О том, чье имя вечно ново», опубликовано стихотворение певца советской деревни Михаила Исаковского «Песня» («На горе белым-бела / Утром вишня расцвела...»).

Когда началась Великая Отечественная война и немцы вступили на территорию Эстонии, поэт был уже тяжело болен. Он не мог эвакуироваться как все общим порядком, с трудом передвигаясь по комнате. Северянин посылает телеграмму Михаилу Калинин с просьбой прислать за ним из Ленинграда машину, писал поэту Всеволоду Рождественскому с просьбой похлопотать у всесильного партийного функционера Андрея Жданова, но помощи так и не дождался. Предпринятая самостоятельно попытка уехать в Ленинград сорвалась, и Северянин вернулся в Таллин. Игорь Владимирович умрёт от сердечной недостаточности в возрасте 54 лет 20 декабря 1941 года и был похоронен на Таллинском Александро-Невском кладбище.

Кто знает, что было бы с принцем фиалок в сталинской России? Зачем стране социализма лесофеи и златополдни? Стал бы Северянин правоверным социалистическим реалистом и счастливым обладателем дачи в Переделкино? Кто знает, какой удел был бы уготован Северянину, вернись он тогда. Скорее всего, пополнил бы список затравленных. Не будем забывать о страшной участи Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Николая Клюева, Бориса Корнилова, Павла Васильева.

ЭПИЛОГ

Если внимательно вчитаться в стихи Северянина, то легко можно заметить его виртуозное владение словом, профессионализм и яркий мир образного письма.

Его слава была скандальной, «двусмысленной». Поэта упрекали в пошлости, а он между тем лишь только подсовывал публике зеркальце, скрывая под маской лицо, искаженное гримасой невыразимой боли. Как писал сам Игорь Северянин:

*Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали 'pastilles'!
Неразрешимые дилеммы*

*Я разрешил, презрев молву.
Мои двусмысленные темы –
Двусмысленны по существу.*

Славист и литературный Вольфганг Казак, критик, так охарактеризовал творчество поэта: «Доходчивая музыкальность его стихотворений, часто при довольно необычной метрике, соседствует у Северянина с любовью к неологизмам. Смелое словотворчество Северянина создаёт его стиль. В его неологизмах есть многое от собственной иронической отчуждённости, скрывающей подлинную эмоцию автора за утрированной словесной игрой».

По сути, Игорь Северянин был основоположником массовой культуры в России. После заумных символистов и изломанных декадентов публика желала развлечений, в том числе и от поэзии. Игорь Северянин, обладавший тонким чутьем на запросы читателей, стал смело и решительно подыгрывать им, при этом умело удерживаясь на грани пародии и издевки над этим же массовым читателем. Северянин умел делать Поэзию красивой, блестящей, как сказали бы сегодня гламурной:

*Мой стих серебряно-брильянтовый
Живителен, как кислород.
"О гениальный! О талантливый!" –
Мне возгремит хвалу народ.*

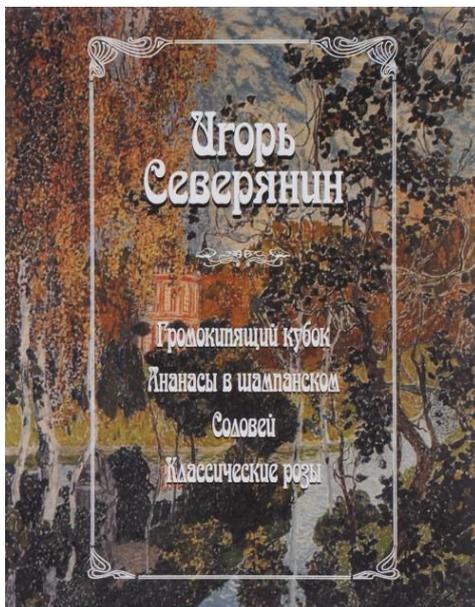
Игорь Северянин «Самогимн».

И всё же какая-то полудетская наивность и непосредственность этих стихов оправдывала грех самодовольства и безвкусыя. Бриллиантик таланта бросал свой отблеск на дешёвую бижутерию.

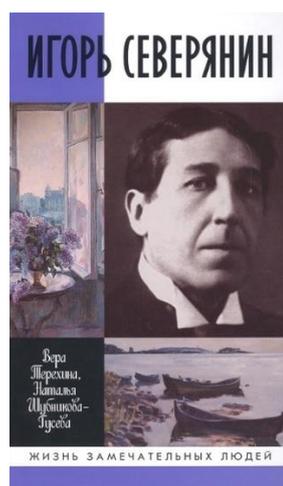
Северянин изобрел свой грезофарс, соединяя мещанские самые гламурные грезы с едким фарсом. И читатель съедал с аппетитом его явно придуманные на ходу миньонеты и квинтины, погружаясь в мир принцесс и «грезэрок». Он и на самом деле «трагедию жизни превращал в грезофарс». В салонно-жеманной поэзии Северянина проявился трагический гул эпохи.

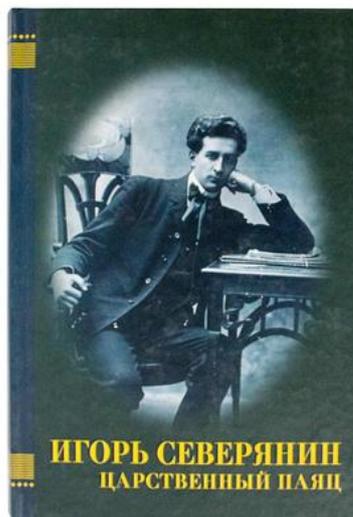
Игорь Северянин поэт, необходимый всем и лично каждому. Он подкупал читающую публику и продолжает очаровывать, при всей своей манерности и словесных изысках, искренностью. Он поет не по приказу, не ради некоей корысти, а только согласно своей природе. Неслучайно один из кумиров 60-70 годов XX века, поэт и бард Булат Окуджава признавался в интересе к творчеству Северянина, отдавал должное его поэтическому мастерству: «Нынче мне очень близок и дорог Игорь Северянин. Сущность этого большого поэта, как всякого большого поэта, - в первооткрывательстве. Он рассказал мне то, что ранее не было известно. Мой путь к нему был труден и тернист, ибо был засорен нашим общим невежеством, и я поминутно спотыкался о ярлыки, которыми поэт был в изобилии увешан. ... К счастью, во мне все-таки нашлись силы, чтобы разобраться во всем этом. И я постепенно стал его приверженцем. <...> И вот, когда по воле различных обстоятельств все это мне открылось, я понял, я почувствовал, что Игорь Северянин - мой поэт, поэт большой, яркий, обогативший нашу многострадальную поэзию, поэт, о котором еще предстоит говорить, и у которого есть чему учиться».

Удивительный, ни на кого не похожий, уникальный поэт Игорь Северянин. Этим он интересен и читателю XXI века.
Доставьте себе изысканное удовольствие – читайте и перечитывайте Игоря Северянина!

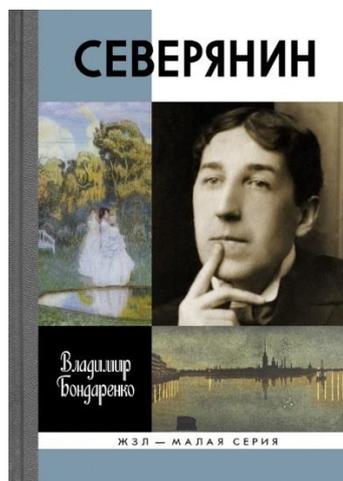

**ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ЗАГЛЯНИТЕ В КНИГИ И СТАТЬИ:**

- Бондаренко, В. Г. Северянин [Текст] : "ваш нежный, ваш единственный..." : [16+] / В.Г. Бондаренко. - Москва : Молодая гвардия, 2018. - 407, [2] с., [8] л. ил., портр. - (Жизнь замечательных людей : Малая серия).
- Игорь Северянин глазами современников : [Текст] / редкол.: Н.Н. Скатов - пред. [и др. ; вступ. ст. и коммент В.Н. Терехиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой]. - Санкт-Петербург : Полиграф, 2009. - 575, [1] с. - (Неизвестный XX век).
- Игорь Северянин и его окружение в фотографиях и рисунках / [Текст]. - Нарва : [б.и.], 2008. - 176 с. : ил., портр. - (Сто лет русскому футуризму).
- Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика [Текст] / сост. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева – Санкт Петербург: Росток, 2005. – 640 с. – (Неизвестный XX век).
- Ковальчук, И. Северянин / И. Ковальчук. - Санкт-Петербург : Ленинградское изд-во, 2008. - 413, [1] с.
- Секриеру, А. Е. Игорь Северянин. Грани стиля [Текст] / А. Секриеру. - Москва ; Ярославль: ЛИТЕРА, 2011. - 198 с. - (Стиль и синтез).
- Терехина, В.Н. Игорь Северянин [Текст] / В.Н. Терехина, Н. Шубникова-Гусева. - Москва : Молодая гвардия, 2017. - 398, [1] с. - (Жизнь замечательных людей).
- Шаповалов, М.А. Король поэтов [Текст] : И. Северянин. Страницы жизни и творчества (1887-1941) / М.А. Шаповалов. - Москва : Глобус, 1997. - 157, [1] с.

- Ахмедова, Ю.А. Стилистические особенности лирики Игоря Северянина [Текст] / Ю. А. Ахмедова, А. В. Флоря // Русский язык в школе. - 2007. - № 7. - С. 61-64.
- Белова, В.В. «Громокипящий кубок» Игоря Северянина: [Текст] структура книги стихов / В. В. Белова // Русская словесность. - 2013. - № 5. - С. 7-13.
- Белова, В.В. Книготворческая стратегия раннего Игоря Северянина. Стихотворные брошюры 1904-1912 годов [Текст] / В. Белова // Вопросы литературы. - 2015. - № 1. - С. 99-125.
- Озеров, Ю.А. «И что не слово,- то сюрприз» [Текст] : о поэзии Игоря Северянина / Ю. А. Озеров // Русская речь. - 2013. - № 1. - С. 25 – 31.
- Озеров, Ю.А. «И что не слово,- то сюрприз» [Текст] : о поэзии Игоря Северянина / Ю. А. Озеров // Русская речь. - 2013. - № 2. - С. 34 – 39.
- Озеров, Ю.А. «И что не слово,- то сюрприз» [Текст] : о поэзии Игоря Северянина / Ю. А. Озеров // Русская речь. - 2013. - № 3. - С. 26 – 34.
- Рассадин, С.Б. Такое разное серебро: [Текст] 6 (о писателях серебряного века)/ С. Б. Рассадин // Рассадин, С.Б. Русская литература: от Фонвизина до Бродского. – Москва, 2001. – С. 184-200.
- Рыжов, В. К. Игорь Северянин [Текст] : Игорь Васильевич Лотарев / В. К. Рыжов // Сто великих имен Серебряного века. - 2011. - С.108-112.
- Терехина, В.Н. Неведомый паяц [Текст] : о жизни и творчестве Игоря Северянина / В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева // Литература в школе. - - 2006. - № 12. - С. 13-18.
- Черников, А.П. Его «двусмысленная слава» и «недвусмысленный талант» : поэтические искания Игоря Северянина / А. П. Черников // Литература в школе : научно-методический журнал. - 2016. - № 2. - С. 5-10.